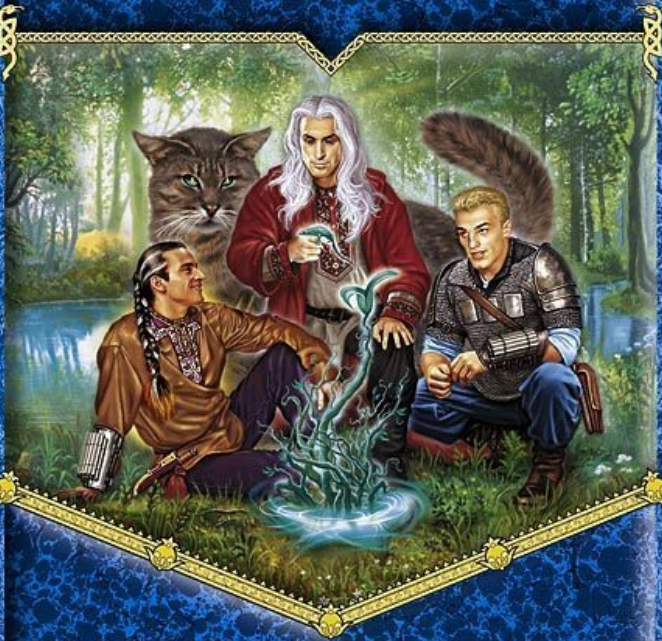
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Ольга ГРОМЫКО



ЦВЕТОК КАМАЛЕЙНИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Ольга Николаевна Громыко
Цветок камалейника

http://www.fenzin.org
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140291
Цветок камалейника: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0508-4

Аннотация

Темна и тиха летняя ночь в Царствии Иггровом!

Спите спокойно, отважные обережники, нахальные горцы, надменные йеры, презренные жрецы, охотничьи кошаки, всемогущие боги и вездесущие зеваки! Спите спокойно, дикоцветные земли, пришлые твари и первородные лозы! Спите спокойно, ибо не скоро вам в следующий раз удастся выспаться…

Содержание

Пролог 4
Глава 1 23
Глава 2 41
Глава 3 56
Глава 4 76
Глава 5 95
Глава 6 123
Конец ознакомительного фрагмента. 129

Ольга Громыко
Цветок камалейника

Честный Автор обязан помянуть тихим незлым словом:

– Яну Бойченко, Марину Гилёву, Владимира Кнари и Юлию Морозову – за самоотверженную ловлю блох,

– Ярославу Кузнецову – за оживших героев,

– Анну Полянскую – за совместные ночные бдения в Царстви Иггровом и философские беседы об овцах.

Пролог

…скатились с Ее запястий две капли крови, пали на землю и обернулись семенами. И сказала Она: да станете вы началом начал!
Летопись Предвечная. Предание о камалеях

…они напали, как только стемнело. Не стали дожидаться ни полуночной мглы, ни предрассветной сонливости караульных.

Словно хотели не просто уничтожить, но и унизить.

Дозоры, выставленные на подступах к дому, застать врасплох не удалось, но это мало что меняло. Засевшие в рассек-

реченном убежище были настороже всегда. Идущие к нему в этом не сомневались. Потому и не пытались ни таиться, ни вести переговоры.

К тому же их было больше. Гораздо больше.

Часть пришельцев, пригибаясь к земле, обежала и оцепила здание. Остальные в открытую выстроились треугольником напротив крыльца. Сразу видно – профессионалы: ничего лишнего ни в одежде, ни в слаженных, отточенных движениях. Из доспехов – только легкие кольчуги, оружие – две фьеты в заспинных ножнах черного цвета, означающего, что кромки волнистых клинков смазаны парализующим ядом.

– По велению Иггра Двуединого, откройте! – стукнув по двери кулаком, зычно выкрикнул командир. Стоявший рядом, однако державшийся отчужденнее горного пика мужчина (единственный, кто пренебрег броней и оружием) брезгливо поморщился. Разумеется, обережникам положено придерживаться устава, но смысла в нем он не видел – проклятые сектанты заслуживали не больше почтения, чем расплодившиеся в амбаре крысы. Вслух же сказал:

– Будьте бдительны, среди них трое «шипов».

– Благодарю за предупреждение, йер Архайн, – почтительно откликнулся командир, хотя по властному тону мужчины было ясно, что участь спутников его ничуть не интересует. Только результат.

– Входим, – скомандовал он, вытаскивая из-за пояса саму

собой развернувшуюся плеть. Взмах, синяя трескучая молния – и дверь раскололась надвое. Правая половина выпала наружу, левая, перекосившись, осталась висеть на нижней петле. Командир пнул ее сапогом, с ругательством увернувшись от рухнувшей под ноги доски.

Жала сорока фьет подозрительно уставились в слепящий проем. В пустом просторном зале горели свечи – несколько тысяч длинных и тонких восковых побегов, увенчанных лепестками пламени. На полу и стенах мерцало, переливалось кружево светотени, потолок тонул во тьме – неестественно-белые огоньки не разгоняли ее, а как будто оттесняли вверх.

– Я сказал: входим, – с нажимом повторил йер, и обвившаяся вокруг его запястья плеть начала со зловещим шелестом расправлять кольца.

Командир взглядом велел ближайшему обережнику переступить порог. Ослушаться тот не посмел: боязливо сделал первый шаг, чуть увереннее – второй, а на третьем кружево у него под ногами колыхнулось, и человек, бестолково взмахнув руками, упал на спину.

Удар о каменный пол – штука неприятная, но он бы не заставил бывалого воина захлебнуться криком. И уж точно не поползли бы сквозь кольчугу, смешиваясь с тенями, черные вязкие ручейки.

Свечи как ни в чем не бывало продолжали гореть, чуть подергиваясь от корчей насаженного на них тела.

– Проклятье! – Архайн выждал, пока вопли умирающего стихнут, чтобы не пришлось повышать голос. – Эти ублюдки успели провести вторую инициацию.

По светлому и одновременно непроглядному залу сквозняком пронесся издевательский смех, свечи слаженно вильнули язычками, но ни одна не потухла.

Командир поежился. Нет, бояться он не боялся, но задача оказалась сложнее, чем он думал, и требовалось какое-то время, чтобы смириться с ее новым условием.

– Где они ее прячут? В подвале?

– Нет, на чердаке, – так раздраженно откликнулся мужчина, что обережник подумал было: над ним снова издеваются. – Вы что, забыли, как выглядит эта хибара? Четыре глухие пристройки и два ряда окон, а сейчас мы видим только один.

– Но здесь нет ни дверей, ни лестниц…

– Если вы не способны их увидеть, это еще ничего не значит, – перебил йер. – Убейте «шипов», и мороки развеются.

– Я полагал, что убивать невидимое – забота Взывающих… господин, – без особой охоты добавил командир, про себя на чем свет стоит костеря вздорного спутника. Если бы приказ о временном зачислении йера в карательный отряд не исходил от самого Приближенного, он бы всеми правдами и неправдами попытался отвертеться от такого «пополнения». Взывающему-то бояться нечего, а каково простым фьетчикам на жрецов врукопашную идти?! К то-

му же этот стервец не упустит случая выслужиться перед дхэрами, настрочив на обережь пространный хулительный донос – по поводу и без оного.

Архайн презрительно фыркнул:

– Я не собираюсь разбрасываться вверенной мне силой по мелочам.

– А я не собираюсь разбрасываться людьми, – огрызнулся начавший терять терпение обережник. – Почему бы просто не облить дом смолой и поджечь? Этот метод еще ни разу нас не подвел.

Его подчиненные продолжали топтаться у порога, слабо представляя, что они должны делать. Рубить воздух, надеясь случайно задеть врага? Ворваться в дом всей толпой, цепляясь друг за друга, чтобы не упасть? А дальше?

– Чтобы через год опять рыскать по всей стране с высунутыми языками? Нет уж. Пырей надо не скашивать, а выпалывать.

– То есть?

Взывающий не удостоил его ответа – пренебрежительно оттолкнул локтем и вошел в дом, без колебаний направившись к центру комнаты. Обережники вынужденно потянулись за йером, стараясь попадать след в след. Замыкающему приходилось хуже всех: он прикрывал тылы, ступая задом наперед и не имея возможности оглядываться на товарищей. Хотя на самом деле он мало что терял: ловушки жрецов – не слепые зубья капканов, которые поджидают жертв на од-

ном и том же месте.

– Ага! – Архайн с довольной усмешкой положил руку на воздух, и под ней медленно проявился кусок перил с обрывками ступеней. Стоило ладони соскользнуть, как видение подернулось дымкой и снова исчезло. – Вот и лестница. А вот и…

Резкий полуоборот, змеиный выпад плети – и возникший из ниоткуда человек сначала со стоном рухнул на колени, а затем завалился на бок, тщетно пытаясь зажать вспоротый от паха до подреберья живот. В воздухе разлился тяжелый запах крови и требухи, крутящий желудки новичкам и опьяняющий ветеранов. Ближайшему обережнику хватило беглого взгляда, чтобы заключить – одним врагом меньше. Более пристального не последовало и по другой причине: он ошибся. Уже вроде бы обмякший «шип» внезапно взвился на ноги, всплеснул стальными крыльями клинков и снова – на сей раз окончательно – осел на пол в компании еще двух трупов. В зале стало на порядок темнее: часть свечей потухла, остальные беспокойно затрепыхались, приугаснув.

Йер брезгливо посторонился, пропуская прокатившуюся мимо сапога голову, в то время как оправившиеся от шока обережники яростно набросились на мертвого жреца, полосуя его фьетами. Дураки. Переоценить опасность порой хуже, чем недооценить.

Словно овеществляя его мысли, из теней вынырнули еще два «шипа», без всякого почтения ударив увлекшихся обе-

режников в спины.

Свистнула плеть, но враги тоже умели учиться на ошибках – цель прянула назад, растворяясь в дымном воздухе, а второй жрец махнул в сторону Взывающего рукой, от которой веером разошлось марево. Свечные огоньки жадно потянулись к нему, истончившись до нитей, а коснувшись, растеклись по изнанке, образовав пласт клубящегося огня.

В каком-то шаге от Взывающего пламя словно укололось о его взгляд, пергаментно завернулось вверх и хлынуло в обратную сторону. Жалобно тренькнуло лопнувшее от жара стекло, полыхнула рама, занавеси, со двора донеслись крики карауливших окно бойцов, попавших под дождь из раскаленных осколков и горящих щепок.

Когда огонь слизал ткань и сыто отполз к карнизу, на полу возле подоконника обнаружился обугленный труп – но не «шипа», а обережника, случайно оказавшегося между жрецом и Взывающим.

Йер наугад перекрестил воздух плетью, покрутил головой, часто смаргивая зудящими от дыма глазами, но время было упущено – второй «шип» тоже исчез. В зале снова воцарилась тишина, прерываемая тяжелым дыханием уцелевших, сбившихся спинами людей.

– Кажется, одного мы зацепили, – неуверенно пробормотал командир, разглядывая свой клинок. Увы, после подобной неразберихи кровь на нем вряд ли могла служить убедительным доказательством. Скорее, утешением, и то слабым.

– Кажется, чудится, мерещится! – презрительно фыркнул Взывающий, концом рукояти обводя пять распластанных среди свечей тел. – Это тоже?

Обережник стиснул зубы и отвернулся. Если дхэрам так уж приспичило взять эту Тварь живьем, почему они не отправили сюда десяток Взывающих? Пусть бы швырялись ирнами на равных со жрецами, а не разменивали пятерых за одного.

Хотя чего тут размышлять – и так все ясно. Пополнить ряды обережи – да что там, полностью ее заменить! – можно хоть завтра: любой наемник спит и видит, как бы добавить к татуировке ободок, а вместе с ним славу, власть, верное (и немалое!) жалованье плюс премиальные и грабежные. А нового Взывающего надо еще найти, обучить, проверить на надежность…

Унизительно чувствовать себя разменной бусиной, но всяко лучше, чем от темна до темна горбатиться в поле или мотаться по селищам в поисках случайного заработка.

Командир расправил плечи, подавая пример бойцам. Да те и сами уже поняли, что их единственное спасение – в сплоченности и выдержке. Рано или поздно жрецам снова придется высунуться из теней, а плеть йера, как люди уже убедились, била куда дальше реальной длины.

Наступило то мерзкое затишье перед боем, которое изматывает куда сильнее самой схватки. Йер со скучающим видом пощелкивал плетью, сбивая уцелевшие огоньки,

как головки одуванчиков. Временами он промахивался, брал слишком низко, и по полу стучали кусочки свечей. Один из них подкатился к ноге командира, и тот не удержался, наступил. Воск как воск, сплющился и прилип к подошве, отскабливай теперь…

Кто сломается первым?

Жрецы не могут *взывать* непрерывно, даже если их возможности после инициации сравнимы с йеровыми. На деле же едва оперившийся слеток сокола не способен тягаться с матерым коршуном, хотя воздушная стихия равно покорна обоим. «Шипы» еще не успели поднабраться опыта ни в Обращении, ни в отнятии жизни – хотя решимости им было не занимать.

А на счету Архайна числилось уже семнадцать таких домов.

Если бы кто-нибудь из бойцов отважился внимательно посмотреть ему в глаза, то не увидел бы там и капли скуки. Страха, впрочем, тоже. Только жуткую, затягивающую в глубь зрачков пустоту, словно душа йера отправилась на поиски сектантов отдельно от тела – если вообще когда-либо в нем обитала.

Из вершинной тьмы донесся приглушенный крик новорожденного – еще даже не плач, а тонкий прерывистый писк.

Он-то и стал сигналом.

«Шипы» атаковали по-волчьи – один словно с потолка свалился в середину отряда, заставив его рассыпаться, а там

обережников уже поджидал второй хищник. Комната снова превратилась в бойню, ругательства переплелись с воплями, вторя сталкивающимся и вгрызающимся в плоть клинкам, кто-то поскользнулся на крови и упал, крича и отчаянно барахтаясь, как перевернутый на спину жук. Жрецы метались между людьми, нападая и тут же отступая, так что ответный взмах клинка частенько ловил соратник, в свою очередь машинально возвращавший удар.

На сей раз йер почему-то не спешил обережи на помощь. То ли опасался задеть своих (что весьма сомнительно), то ли боялся, что заденут его, то ли…

– Где ты… – едва шевельнул он губами, неспешно, с закрытыми глазами поворачиваясь на месте. По расправленной и опущенной плети время от времени пробегали волны, как по загривку гончей, принюхивающейся к мешанине заячьих следов. – Где же ты, мерзавец?

Обережь нетрудно заставить играть в салочки с тенями. Но не йера.

Рука Архайна взвилась вверх, на полувзмахе останавливая рвущийся к его шее клинок.

– А как насчет честного боя? – через плечо прошипел он жрецу в лицо.

– Не с вами, – с неподдельной и совершенно неуместной в подобный момент грустью покачал головой тот, так легко выворачиваясь и исчезая, что пальцы Взывающего, еще мгновение назад сжимавшие запястье сектанта, глубоко

впились ногтями в собственную ладонь.

В комнате скачком стало на порядок темнее. Обережники медленно, недоверчиво расступились, таращась на тело второго «шипа» – вернее, жуткую мешанину истекающих кровью кусков и лохмотьев.

– А еще один где? – тупо поинтересовался кто-то из обережников. – Вот токо что ж двое было…

«Нет, вы *видели* двоих, а это опять-таки далеко не то же самое», – мог бы ответить Архайн, раздраженно промакивающий платком полукруглые ранки на ладони. Но не стал. Жрец уже был у него в прямом смысле слова в руках, а он так глупо его упустил!

– Эй! – Изумленный возглас командира обратил всеобщее внимание на полупрозрачный, мерцающий призрак лестницы, безо всякой опоры висящей между полом и потолком.

– Туда. – Архайн первым, на одном вздохе взбежал по ступеням. От его ног волнами расходилась реальность, возвращая лестнице деревянную плоть.

Вдвое поредевшая, но столь же приободрившаяся обережь без заминки последовала за ним. Командир еле успел затормозить, чтобы не врезаться йеру в спину, и был вознагражден чередой тычков в свою собственную – подчиненные оказались не столь расторопны.

– Что-то здесь не так, – вполголоса заметил Архайн, обращаясь к единственному достойному собеседнику – себе самому. – Ну-ка…

Обережники послушно попятились. Самые предусмотрительные – до конца лестницы.

Эту дверь йер хлестать не стал. Напротив: очень вежливо, одними костяшками, постучался, вслушался – и внезапно отшатнулся влево, вжавшись спиной в перила.

Предусмотрительность окупилась сполна. Сквозь дверь (вернее, прикидывающуюся ею тень) со скрипом цепей пролетело подвешенное на них бревно, размозжив голову одному из бойцов и сметя еще троих. Качнуться обратно Архайн ему не дал – будто играючи шлепнул по мелькнувшему перед лицом торцу, и тяжелая чурка, порвав звенья, с такой силой врезалась в стену и загрохотала по полу, что дом содрогнулся до самой трубы.

Других ловушек при входе не было. По крайней мере, искать их йер предоставил обережи, сделав приглашающий жест, но сам не двинувшись с места.

Что ж, этот враг оказался ей вполне по зубам.

Старика в скромном сером одеянии, с посохом на изготовку стоящего на пороге, бойцы просто затоптали, первым же ударом сбив с ног.

Следующими сложили головы трое вооруженных фьетами мужчин – хорошей, но безнадежно проигрывающей профессионалам выучки. Впрочем, одного обережника они с собой прихватили, еще пятерым оставив метины на всю жизнь.

Больше всего хлопот доставили две девушки, атаковавшие пришельцев с яростью защищающих логово корлиссов.

Жрицы сражались в паре, как единое двуглавое, четверорукое, убийственно проворное существо, и отправились к Темному Иггру с разницей в один вздох, в обмен выторговав у обережи пять жизней.

Йер не вмешивался. Прислонился боком к косяку, откровенно любуясь резней. Свечи горели и здесь, тени и силуэты сплетались, перетекали друг в друга в завораживающем танце под пение стали и аккомпанемент смерти.

А затем снова появился «шип». Луч мглы в царстве сумрака, устремленный к главному врагу и словно бы походя прорубающий кровавую просеку в остальных.

Архайн ухмыльнулся и выпрямился. Они *никогда* не убегали. Даже оставаясь в одиночестве против десятерых. Даже десятерых йеров. Дурацкая вера, дурацкие принципы… дурацкая смерть.

Глаза в глаза. Клинок против плети. Крик ломающейся стали, безмолвное падение тела, собачья свора обережников, кидающаяся на подстреленного охотником зверя… и самым громким звуком в комнате стал доносящийся из колыбели плач.

В иное время сектанты не пожалели бы золота и драгоценностей на ее отделку, но сейчас проклятому отродью пришлось довольствоваться простой деревянной зыбкой, растрескавшейся и обшарпанной. Возле нее застыл высокий нескладный юноша, почти мальчишка – только-только усы проклюнулись. Жреца била крупная дрожь, бисеринки пота

на лбу быстро разрастались до капель и стекали по щекам, мешаясь со слезами. Занесенный над кисейным пологом стилет казался еще одной свечой, вопреки природе тянущейся язычком к полу.

– Бросай оружие! – повелительно крикнул командир, фьетой указывая на пол в центре чердака. Мельком подумалось: «А ведь мой средний не намного старше этого дурня. Самый ершистый возраст, такому сектантам голову задурить – раз плюнуть». – И, возможно, Приближенный проявит милость и сохранит тебе жизнь!

Парень всхлипнул, зажмурился и ударил.

Стилет вскользь царапнул боковину, раскачав колыбель. Жрец медленно завалился на спину, почти молитвенно прижав руки к груди, а на деле вцепившись окровавленными пальцами в пенек стальной стрелки.

– Ну хоть какая-то от вас польза, – ворчливо бросил йер, покосившись на опускающего мыслестрел обережника. – Синей бил?

– Да, господин, как вы и…

Архайн, не дослушав, подошел к колыбели. Оценивающе склонил голову к плечу.

– Надо же. Даже не верится, что такое ничтожное существо может доставить столько хлопот…

– Это она? – Командир повернулся к нему, но с места не тронулся, левой рукой сжимая правое предплечье над глубокой раной, в ожидании, пока один из бойцов наскоро ее

перевяжет.

Йер, сунув плеть за пояс, бесцеремонно поворошил рукой пеленки. Плач сменился негодующим вяканьем.

– Без сомнений. И сегодня я припас для нее кое-что новенькое…

Архайн нагнулся за стилетом, повертел в руках, хмыкнул и сунул за пояс. Выходит, у сектантов еще кое-что сохранилось от былых богатств… будет чем щегольнуть на ближайшем приеме.

Взамен йер вытащил из сапога черные ножны и, держа их перед глазами, так осторожно потянул за короткую яшмовую рукоять, словно опасался, что клинка за ней нет, а из открывшейся щели ему под ноги посыплются взбешенные скорпионы.

Но золотистое, словно вырезанное из янтаря лезвие было на месте. Хотя, строго говоря, не имело ничего общего ни с «морским медом»[1], ни со сталью. С тем же успехом оно могло принять вид флакона с опалесцирующей жидкостью, шершня в миниатюрной клетке или вообще остаться незримым. Однако дхэрам почему-то показалось забавным придать ему именно эту форму. Важно другое – с момента его освобождения у Взывающего было всего пять ударов сердца, чтобы указать «клинку» цель. Иначе тот выбрал бы ее сам… и вероятнее всего – ближайшую.

Плач оборвался. Йер еще с минуту постоял у колыбели,

---

[1] Янтарь

видимо, ожидая какого-то подвоха, потом с заметным разочарованием выдернул и спрятал побуревший клинок обратно в ножны. Для верности не помешало бы…

– Фьету, – скомандовал он, не глядя протягивая назад ладонь, в которую тотчас вложили теплую и липкую рукоять.

Один уверенный удар – и Взывающий брезгливо отбросил оружие (вряд ли кто-нибудь осмелится его, оскверненное, подобрать) и отвернулся от колыбели.

– Все, – холодно сообщил он. – Эта была последней.

Йер неожиданно пошатнулся, вскидывая руку к виску, но когда сразу двое обережников бросились ему на помощь, выровнялся и с руганью отмахнулся плетью.

– Пошли прочь, недоноски! Я вам не барская дочка, чтобы падать в обморок от вида крови!

«Да кому ты нужен, Иггрова отрыжка, – ясно читалось в глазах попятившихся бойцов. – Но кабы вовремя не подхватили – еще громче орал бы».

К огромному сожалению Архайна, на боевую обережь, элитный храмовый отряд, его власть не распространялась. Взывающие занимали более высокое положение в обществе и связываться с ними в открытую побаивались, но и они и обережь подчинялись одним хозяевам, формально считаясь равными. Разве что и в самом деле донос какой настрочить…

Впрочем, у йера было на ком отыграться – последний «шип» еще с трудом хватал ртом воздух, пытаясь протолк-

нуть его в костенеющую грудь. Удар плети превратил лицо в кровавую одноглазую маску, яд медленно и неумолимо завершал проделанную фьетами работу. Жрец вряд ли уже что-то чувствовал, но победитель все-таки не утерпел и пнул его в развороченный клинком бок.

– Ну и чего вы добились на этот раз? – доверительно, чуть ли не сочувственно прошептал он, склоняясь к умирающему. – Восемь дней! В прошлый раз было всего шесть, в позапрошлый – десять! Когда ж вы, наконец, поймете, что ваши жалкие старания изначально обречены на провал?!

Ответа он не ожидал. Тем более таким спокойным, словно бы даже насмешливым тоном:

– Если не стараться, то незачем и жить – но тебе этого тоже не понять, клещ. Она все равно придет. Вам ее не остановить.

– Мы уже ее оста… – Йер осекся и выругался: последнее слово, призванное окончательно втоптать врага в грязь, осталось не за ним. Жрец не дышал, жилка на шее вздрагивала все реже и слабее.

После секундного колебания Взывающий присел на корточки и нетерпеливо тряхнул светлой гривой волос, через голову стягивая с шеи тонкую серебряную цепочку.

– Нет, дорогой мой, – гадостно ухмыльнулся он, и над грудью «шипа» маятником закачался хрустальный кулон. – Так просто ты от меня не уйдешь!

Воздух в комнате ощутимо сгустился, заскребся в ушах

испуганными тараканами. Обережники неуклюже застыли кто где стоял, шел или даже отхлебывал из фляги (так двумя струйками по бороде и потекло), дружно уставившись в пол-потолок и про себя взывая к светлому лику Иггра, дабы не попасться на глаза Темному.

Тело жреца изогнулось высокой и неестественной, до хруста костей, дугой. Затрепетало, забилось в тщетном усилии не то оттолкнуть, не то коснуться кристалла, а когда йер, выждав положенное время, резко отдернул руку, – мешком упало на пол.

– Прекрасно, – прошептал Архайн, завороженно разглядывая поселившееся в глубине хрусталя марево. – День прожит не зря… а сколько их еще впереди!

Последняя свеча растворила огонек в сизой нитке дымка, потянувшегося к дверному проему. Йер с довольным смешком подбросил кристалл на ладони, круто развернулся и вышел из комнаты, не обходя ни лужи крови, ни распластанные, еще шевелящиеся и стонущие тела. Своих или чужих – его совершенно не волновало. Задание выполнено, и награда не заставит долго себя ждать.

После его ухода обережники, не сговариваясь, шумно выдохнули и расползлись по дому, роясь в вещах и обыскивая трупы. За браслет одного из теней тут же началась потасовка – бурная, но беззвучная, дабы вмешавшийся командир вообще не отобрал побрякушку.

А тот, закончив с перевязкой, все-таки приблизился к ко-

лыбели, заглянул и тут же изумленно отшатнулся.

Под серебристым пологом на испятнанной кровью перине лежал малиновый, рассеченный надвое бутон.

Глава 1

…с сего дня повелеваем всячески поощрять развитие гильдии охотников: товары в оружейных лавках продавать им со скидкой, в города пускать беспошлинно, налоги брать только с глав, а те уж пусть сами за порядком присматривают…
Иггрова воля от седьмого дня второго месяца Увядания 303 года

На людей даже Двуединому не угодить. Всю весну ныли, что на улицу без плаща не выйти, а стоило солнышку припечь по-летнему, как уже через неделю начали ставить ему в пример давешнюю промозглую хмарь с непрерывной моросью.

ЭрТар из-под козырька ладони прикинул расстояние до города и, со вздохом развязав рукава обернутой вокруг бедер айсты[2], натянул ее на потное тело. Смуглую кожу горца не страшил даже полуденный зной, да и на правила приличия ему было глубоко плевать, но в одних штанах (и уж тем более без них) его могли принять за раба или нищего, коих в Орите было великое множество, и забавы ради вытянуть плетью вдоль хребта. Так что, увы, придется потерпеть.

Тишш уныло плелся следом, по-собачьи высунув язык.

---

[2] Длинная льняная рубашка с разрезами до пояса по бокам, спереди и сзади, и черным орнаментом по подолу и краю ворота; горская национальная одежда

Пружинящая походка кошака стала до того угловатой, что больше напоминала хромающую, кончик хвоста клонился к земле, как чахнущий пшеничный колосок, но, коснувшись ее, неизменно отдергивался. И коротко остриженную шерсть, и свисавшие по обе стороны хребта сумки густо покрывала дорожная пыль, еще позавчера бывшая грязью.

Не жаловалась только природа: желтый крап одуванчиков жадно впитывал солнечные лучи, становясь гуще с каждым часом. Черноволосая смуглянка в платье из некрашеного полотна собирала пахучие солнышки в корзинку, аккуратно обрывая стебли у самой земли – чем длиннее они, тем дороже. ЭрТар белозубо улыбнулся, девушка, смутившись, хихикнула в узкую, перепачканную пыльцой ладошку, но заводить знакомство не пожелала, отвернулась. В траве мельтешили скворцы, выклевывая из дерна жирных белых личинок. На полого уходящем вверх холме по другую сторону дороги привольно раскинулось лоскутное одеяло возделанной земли: сугробы цветущих садов, бисер картофельных всходов, частоколы обвитых хмелем и виноградом опор, щетина злаков и редкие дыры непаханых наделов с тусклой порослью сорняков – видать, хозяин съехал или не сумел оплатить ирну.

Тишш ткнулся в хозяйскую ладонь сухим и шершавым, как хлебная корочка, носом. Парню лень было даже пальцами в ответ пошевелить, и кошак принялся разочарованно прихватывать их кончиками клыков.

– Другие, между прочим, – язвительно напомнил ЭрТар, отмахиваясь, – на вас еще и ездят, а не только поклажу возят.

Дымчатый кис обиженно муркнул и отстал. Вообще-то корлиссы не годились для верховых прогулок – слишком быстро выдыхались. Оседлывали их больше ради развлечения и разминки, да еще на скачках по праздникам.

Впрочем, путь мог стать еще дольше, если бы какой-то добросердечный селянин на телеге – он не назвался, а парень не стал расспрашивать – не подвез горца до пригорода, заставив расплатиться выслушиванием нудных разглагольствований о будущем урожае и еще более пустопорожних жалоб на дороговизну полевых и скотных ирн. Поскольку масленая ряха мужика расползалась едва ли не шире плеч, за время разговора успев сжевать целое кольцо сушеной колбасы, прибеднялся он неубедительно.

К сожалению, на развилке телега свернула с тракта, и остаток пути, примерно шесть выстрелов[3], пришлось молотить пыль на своих шестерых с половиной – если считать Тишшев хвост.

Других дураков путешествовать в такое пекло не было, как и очереди на вход в город. Прекрасно.

ЭрТар подозвал корлисса, поймал волочащийся за ним повод и намотал на руку. Намордник надевать не стал – правилами дозволялось подвесить его к ошейнику и самому решать, склонен ли кошак цапать прохожих (а хозяин соот-

---

[3] расстояние, на которое бьет боевой лук. Примерно 400 шагов

ветственно оплачивать цапнутое). Горец крепко сомневался, что Тишш вообще умеет кусаться, но совсем без намордника в равнинные поселения не пускали, а у входа в общественные заведения его требовали застегнуть.

Ориту, как и все древние города, окружала диковинная стена из многослойно переплетшихся и слившихся прутьев толщиной с хороший тополь. Снаружи и поверху она щетинилась шипами длиной с руку (на которые в воспитательных целях насаживали преступников), а изнутри поражала зеркальной гладью шлифовки. Дхэры то ли утратили секрет создания подобных оград, то ли это было чересчур трудоемко, но возникающие в них дыры латались обычными камнями и цементом, из-за чего издали стена выглядела как сорочье гнездо, обмазанное глиной поверх прутьев.

Створки ворот, хоть и пристегнутые к стенам двусторонними крюками, все равно умудрялись уныло поскрипывать на ветру. Проем перегораживала жердь на рогатинах, возле которой несли караул два обережника: бывалый вояка со щетинистой разбойничьей рожей и молоденький, еще безусый парнишка, державший высокое копье-двойчатку как святыню. Последний, выпятив тощий кадык, напряженно следил, как путник приближается к заветной жерди-границе.

– А ну, становись для досмотра! – с положенных семи[4]

---

[4] В Царствии Иггровом принята десятеричная система счисления, однако семерка считается божьим числом и соответственно «круглым», часто используясь в подсчетах

шагов гаркнул юнец, безуспешно пытаясь придать ломкому голосу надлежащую строгость. Его напарник только лениво поскреб голову под шлемом и, надвинув его обратно, вразвалочку поплелся к горцу.

– Ну куда идешь, чаво везешь? – заученно пошутил-осведомился он.

ЭрТар молча сунул подошедшему обережнику загодя приготовленную и развязанную грамоту, лишая надежд на торговую пошлину. Парнишка разочарованно отхаркался и сплюнул – видимо, полагая, что это выглядит невероятно мужественно, – и отвернулся в сторону города.

– Ага… эге… хм… – Обережник с таким умным видом изучал бумагу, словно умел читать. Подлинная, но из-за рассеянности чиновника поставленная вверх ногами печать ввела в заблуждение уже не одного проверяльщика: лицензию они держали соответственно ей, а не буквам. – Головокрут, значит…

– Охотник.

– Ну-ну… у самого еще хвост не отвалился, а туда же!

Молодой гнусаво загоготал. На и без того худом лице ЭрТара резко обозначились скулы, но отвечать на бородатую в три оборота и такую же дурацкую шутку он посчитал ниже своего достоинства. Только тряхнул головой, отбрасывая за спину вычурно заплетенную – две пряди белые, три черные – косицу. Короткая, до лопаток – значит, кто-то из родичей горца не так давно умер. Узкая ярко-алая лента озна-

чала главу рода, выкрашенный рыжим кончик – холостяцкое положение, вплетенная в черную прядь нитка – возраст между двадцатью одним и двадцатью восемью годами. Знающий человек еще много бы чего по ней определил, но, как ЭрТар уже убедился, знания предпочитали обходить стража ворот стороной и на цыпочках.

– А чего, в горах козлы кончились? – откровенно придирался он, решив если не нажиться, так развлечься.

– Здесь их всяко больше, – огрызнулся охотник, потянувшись за бумагой, но мужик, продолжая разыгрывать из себя грамотного, глумливо ее отдернул.

– Я спрашиваю, какого… ты, скотник, в головокруты подался?

– В обережь не взяли – сказали, слишком умный, – огорченно развел руками горец, на сей раз изловчившись схватить и выдернуть лицензию.

Обережник старательно, за недостатком извилин, морща лоб, подумал и, судя по багровеющему лицу, пришел к правильному выводу. Увы, слишком поздно: мимо ворот проходил дхэр. Поднимать при нем шум из-за ерунды стражи не осмелились, вытянулись в подобострастные струнки. ЭрТар, напротив, потупился и скрючился – не то полупоклон, не то в поясницу кольнуло.

Дхэр привычно не обратил на людей ни малейшего внимания, неспешно проскользив-прошуршав мимо. Из-под темно-бордовой, ниспадающей до самой земли мантии с капю-

шоном виднелся кончик чешуйчатого, непрерывно шевелящегося хвоста, оставлявшего извилистую полосу в пыли.

ЭрТар, выдержав положенную дистанцию, пристроился ему в тыл. Обережнику только и осталось скрипеть зубами от злости, а там и ругаться в голос – когда обнаружилось, что, пока он препирался с горцем, корлисс тишком задрал хвост у его новехоньких сапог, так что ходить в них теперь можно только по свинарнику. Да и то хрюшки будут подозрительно принюхиваться.

Пройдя квартал, горец с кошаком отстали от дхэра и свернули на параллельную улочку – ЭрТар, как любой нормальный человек, не любил Божьих Глашатаев и тащиться за ним до самой площади не собирался. Конечно, можно его и обогнать, но Иггр знает, как дхэр на это посмотрит: даже не заметит или нашлет какую-нибудь заразу, потом год будешь лечиться. Смолчит-то в любом случае: осаживать нахальных бродяг ниже его достоинства, к тому же подобная неопределенность – пронесло или нет?! – обеспечит наглецу нервотрепку на несколько недель, что куда действеннее простой ругани.

Город ЭрТару понравился: чистенький, зеленый, булыжная мостовая горочками виляет вверх-вниз. На карнизах ворковали горлицы, пахло свежим хлебом и водой – Ориту пересекала речка в пять Тишшевых скоков шириной, выныривая из-под земли в южном конце города и снова уходя в ее недра перед западными воротами. Ни водорослей,

ни рыбы в ней, разумеется, не водилось – вода была ледяная, кристально прозрачная, с гудящим от усердия течением. Судя по отвесным рифленым берегам, раньше она стояла куда выше, с каждым годом спадая примерно на палец. По обеим сторонам русла через каждые семь шагов поскрипывали журавли наподобие колодезных, с каменными противовесами, чтобы даже ребенок без труда мог наполнить ведерко. Вот только не проще ли поднять уровень реки? Не поймешь этих дхэров – такое ощущение, что им легче творить, чем чинить. Впрочем, до полного обмеления еще далеко – дна, как ни щурься, не видать.

А еще ЭрТар слыхал, что в Орите самые высокие ставки за отстрел. Что ж, проверим!

После довольно долгого, частично бесцельного и ознакомительного блуждания по улицам горец забрел в квадратный проходной дворик, из арки которого просматривалась главная площадь с неизменным храмом Иггру, где молился простой люд, и святилищем за высокой оградой – обителью дхэров, общавшихся с божеством куда теснее. Полуденная проповедь как раз подошла к концу, и из главных дверей храма валом валил народ. Кое-кто отделялся от толпы и пристраивался в хвост немалой очереди у черного входа, где двое парнишек в серо-зеленых мантиях Внимающих[5] записывали молитвы верующих и взимали плату за ирны.

В холодке арки четверо оборванцев (такие маленькие,

---

[5] младший храмовый служка

а уже такие смышленые! – умилился ЭрТар) целеустремленно «раздевали» в «кукушкины гнездышки»[6] богатенького папиного сынка годом-двумя старше. Все карманные деньги он уже продул и теперь ставил на кон расшитые бисером сандалеты. Поочередно, что означало лишь минуту отсрочки печального финала. При виде охотника с корлиссом компания бросила игру и застыла с восхищенно приоткрытыми ртами.

– Эй, мелюзга! – ЭрТар заговорщически подмигнул ребятне. – Где глава здешней гильдии живет, знаете, ннэ?

– Вон, за храмом! В том доме с желтой крышей! У которого большая собака под воротами спит! – после благоговейного замешательства наперебой загалдели мальчишки. – Только его там уже нет!

– А где есть?

– А-а-а-а… н-на коте прокатишь? – запинаясь от собственной наглости, пискнул самый младший, лет шести. – Тогда покажу!

– Влезай! – рассмеялся горец. – Хотя тебя и обычная кошка должна свезти.

Старшие ребята загоготали и заулюлюкали, перебрасываясь более чем взрослыми шуточками, но смутить уличного босяка не так-то просто. Мальчуган торопливо, пока горец не передумал, подскочил к корлиссу, схватился одной рукой за ошейник, второй за навьюченные на кошака сумки и, под-

---

[6] аналог наперстков, используются маленькие плетеные чашечки

прыгнув, навалился животом на мохнатую спину. Барахтающиеся в воздухе ноги вызвали новый всплеск уличного остроумия. Богатейчик под шумок цапнул свои сандалеты и был таков. Увлеченная редкостным зрелищем шпана даже не стала его окликать.

Тишш мученически – детей он терпеть не мог – уставился на хозяина двухцветными глазищами, но покорно позволил себя оседлать. Только хвост из стороны в сторону хлестал.

– Ну показывай, – с усмешкой напомнил ЭрТар, когда пацан прочно угнездился на кошаке.

– Туда! – ткнув пальцем, звонко велел мальчишка, что почему-то вызвало издевательский хохот остальных ребят, тем не менее проводивших корлисса завистливыми взглядами и заливистым свистом.

Малец, быстро освоившись, вертелся во все стороны, подпрыгивал, колотил кошака по бокам босыми пятками, махал руками и показывал нос встречной шантрапе; короче, всячески наслаждался жизнью. Они прошли-проехали центральной аллеей тенистого каштанового парка, свернули в узкий и грязный переулок, снова выбрались на широкий «приличный» бульвар, по которому под ручку прохаживались парочки, шарахающиеся от кошака (мальчишке это доставляло огромное удовольствие), пересекли рынок и помойку, полюбовались городской достопримечательностью – улицей Высокородных, где каждый дом, сверху донизу изукрашенный росписью и лепниной, представлял собой произведение ис-

кусства. Подходить к ним ближе двадцати шагов или тем паче останавливаться не разрешалось, да ЭрТар и не собирался.

Горцу уже начало казаться, что сейчас они упрутся в противоположные ворота Ориты, когда мальчишка наконец ткнул пальцем в стиснутую двумя домами едальню, спрыгнул с Тишша и дал деру.

ЭрТар удивленно проводил мальчишку взглядом… и обнаружил, что находится с другой стороны давешней площади. Рассмеявшись, парень беззлобно покачал головой. Сам таким был.

Тишш встряхнулся. «От этих детей одни неприятности», – выразительно говорила медленно приглаживающаяся шерсть.

– Да ладно тебе, кис. Не надорвался же.

Кошак фыркнул и двинулся вперед, мазнув боком по хозяйской ноге – не то потерся, не то пихнул.

– Эй, эй, а намордник?! Вот так-то лучше.

Над входом в едальню висела жестяная вывеска в форме рыбы, по боку которой шла надпись: «Упрямая вобла». Вид у покровительницы заведения был соответственный – унылый и мятый, как будто ею долго колотили о стол, а потом с досадой бросили на пол и истоптали ногами. Из приоткрытой двери тянуло холодом и чем-то на редкость неаппетитным. Заходить туда совершенно не хотелось, и, как вскоре выяснилось, не одному горцу – едальня была практически

пуста.

Главу оритской гильдии охотников ЭрТар обнаружил за самым дальним столиком: влиятельное лицо двухдневной небритости печально утопало в глубокой миске, окруженной десятком пустых кружек и одной на четверть заполненной мутным, давно выдохшимся сквашем. Горец потоптался рядом, прикидывая, потрясти его за плечо или достаточно будет кашлянуть, но тут глава тяжело приподнял голову, наполовину разлепил опухшие веки и прямолинейно поинтересовался:

– Выпьешь?

ЭрТар замялся – равнинную брагу он не любил, однако другой здесь все равно не подадут. Горец кивнул и сел напротив.

– На! – Глава щедрым жестом придвинул к нему кружку с опивками и снова рухнул в тарелку. Жареные орешки с шуршанием сыпанули через край и раскатились по столу.

– Потрясающе, – мрачно сказал горец, подбирая одно ядрышко и кидая в рот. Тьфу, гадость, наперчены до самовозгорания!

ЭрТар раскашлялся, хлопая себя по груди. К столу немедленно порхнул хозяин едальни, белым передником, колпаком и нарукавниками напоминавший раскормленную моль, и с надеждой осведомился:

– Это ваш друг, господин?

– Нет, – отрезал парень, не желая рассчитываться за чужие

возлияния. – Я вообще впервые его вижу!

Чистая правда, между прочим.

Хозяин помрачнел и кисло поинтересовался, чего гость изволит. Просить чистой холодной воды было неловко, и охотник молча кивнул на кружку со сквашем. Наученный горьким опытом мужик не двинулся с места, пока не получил бусину вперед и не попробовал ее на зуб – под безмолвное пожелание оный сломать.

Еще чуток полюбовавшись на главу, горец протянул руку и осторожно приподнял ему веко. Безнадежно. Кто же теперь подпишет лицензию? Денег у охотника осталось или на ночлег, или на хороший ужин, а хотелось, разумеется, и того и другого.

ЭрТар уныло подпер щеку ладонью и побарабанил пальцами по столу. Тишш тут же насторожил уши и заинтересованно царапнул доску с другой стороны.

– Тебя только не хватало, – проворчал горец, легонько пихая корлисса носком сапога. Кошак немедленно прихватил лапой его ногу, еще и цапнуть через намордник попытался. – Шесть лет, а ума как у котенка! Эге, спасибо…

Принесенный горцу скваш отличался от предложенного главой только количеством, на вид и запах такой же мерзкий. Такое впечатление, что он не перебродил, а протух. ЭрТар все-таки сделал несколько глотков, и жажда перешла в тошноту. Парень нерешительно поглядел на своего несостоявшегося знакомого, начавшего протяжно похрапывать. Похо-

же, до вечера тормошить его бесполезно.

– Знаешь, кис…

Тишш любопытно потянулся к опущенной под стол кружке, сморщил нос и расчихался.

– …на твоем месте я бы не стал требовать свой паек в этом заведении. Если они даже людям такое подают…

Кошак разочарованно шикнул, задом выбрался из-под стола и с оскорбленным видом направился к выходу. Горец поставил почти полную кружку возле руки главы – во радости будет, когда проснется! – и поднялся. Хозяин, не сводящий с них подозрительного взгляда, раздраженно наяривал полотенцем по засиженной мухами стойке. Потревоженные насекомые с сердитым жужжанием кружились под потолком, не обращая внимания на грязные, почти не пропускающие света оконные стекла.

Тишш, съежившись, проскользнул у ноги так кстати открывшего дверь посетителя и под его испуганную брань был таков. ЭрТар тщательно задвинул стул (горцы считали, что на освободившееся место может усесться шмар, мятежный дух убитого тобой врага, который только и ждет очередного седока, дабы завладеть его телом и снова строить против тебя козни) и улыбнулся, представив толпу разочарованно взвывших шмаров. Не то чтобы он действительно в это верил, но рисковать не хотелось.

Новый посетитель осмотрелся и правильно оценил (по крайней мере, так ему показалось) ситуацию: заезжий

охотник щедро проставился главе гильдии и теперь с чистой совестью отправляется на поиски работы. А она уже сама его нашла!

– Эй, «сорока»!

ЭрТар поморщился. Мужик окликнул его добродушно, с ухмылкой, но равнинное прозвище горцев коробило слух само по себе.

– Ты как, не прочь поразмяться?

Горец неопределенно хмыкнул. Покаяться и предложить заглянуть завтра? Для рачительного хозяина каждый день дорог, он лучше другого охотника поищет. Да и кушать уже сегодня хочется.

Далеко не все земледельцы соглашались нанимать «крыс»[7], хоть это и обходилось дешевле. Но если гильдия прознает, то в следующий раз взвинтит цену на отстрел вдвое, на все возражения холодно отвечая: «ну так вы же в прошлый раз сэкономили!».

Самому ЭрТару ссориться с коллегами тоже было не с руки – он собирался задержаться в Орите на несколько недель, а то и на весь сезон. Подумаешь, поговорит с главой завтра утром…

– По две серебряных за голову и одну сверх за каждую седьмую. – Наниматель, похоже, решил, что дело уже сладилось, осталось только обговорить детали. – Идет?

– За каждую третью, – машинально поправил все еще ко-

---

[7] штрейкбрехеров

леблющийся горец.

– Уговорил, – осклабился мужик. – Да ты, гляжу, парень не промах! Промышлял уже в наших краях?

– Друзья подсказали, – сознался ЭрТар. И не прогадал: мужик басисто расхохотался, хлопнул охотника по плечу и услужливо распахнул перед ним дверь.

Тишш, успевший лапами сковырнуть намордник, поджидал у порога. При виде чужака кис настороженно попятился, пропустил людей далеко вперед и, вприпрыжку нагнав хозяина, пристроился у его ноги.

– Картинку-то покажешь? – уже за воротами спохватился мужик.

Что ж, святое право нанимателя. ЭрТар оттянул широкий ворот, обнажая плечо с татуировкой – кошка, подбивающая лапой мотылька. Рисунок чистый, застарелый, внушающий доверие.

Мужик удовлетворенно кивнул и потащил горца дальше, к запряженной сивым ящерком двуколке.

ЭрТар на ходу поправил айсту. А его знакомец не так-то прост. Тварюшка в оглоблях жилистая, породистая, на таких картошку не окучивают. Вот поля от рассвета до заката объезжать – самое то. Ладони же у мужика широкие, загребущие, но без мозолей. Глянуть бы, что у него самого на плече. Горец почти не сомневался, что татуировка там не одна. Скорее всего, зеленые вилы[8], а пониже – такие же бусы[9]. Ес-

---

[8] знак землепашца

ли бы в богатой семье родился, так запросто с простым охотником не болтал бы. Выходит, сам недавно из пахарей в землевладельцы выбился.

– Большой надел осеняешь?

– Э? – Мужик так смачно плюхнулся на сиденье, что двуколка завихлялась из стороны в сторону. Ящерок фыркнул и поднялся на задние лапы, изготовившись к бегу. – Да нет, мил-человек, земли-то и впрямь много, да моей там от силы пять шагов на погосте. Управляющий я. За батраками и рабами приглядываю, ну и распоряжаюсь по мелочи. Что, разочарован?

ЭрТар отрицательно помотал головой, усаживаясь рядом. Чужих денег не так жалко, поэтому приказчики обычно куда щедрее хозяев. Бывает, сами подбивают смету завысить, а разницу поделить.

Ящерок с места взял в галоп, размеренно балансируя длинным острым хвостом. Горец стукнулся лопатками о жесткую спинку и запоздало вцепился в резной бортик.

– И много их там, ннэ?

– Кишмя кишат. – Мужик натянул вожжи, придерживая скотинку. Ездить по городу быстрее бегущего человека разрешалось только пожарникам, обережи да йерам. – И когда только расплодиться успели! На поле уже ступить боязно, все в лежках.

– Хэй-най, больше целей – легче попасть! – ободрил его

---

[9] знак богатого землевладельца, на которого работают батраки или рабы

ЭрТар, поглядывая, где там Тишш. Кошак, снова высунув кончик языка, трусил слева от повозки, стараясь держаться в ее тени. Число лежек еще ни о чем не говорит, их может быть много вдоль дороги и ни одной – в глубине поля.

К огромному удовольствию горца, дальше его наниматель осторожными намеками, а там и прямым текстом завел речь о вышеупомянутых приписках. Грех не пойти навстречу хорошему человеку!

Глава 2

Поле-полюшко раздольное,
Я ль тебя зерном не потчевал?
Не поило ль небо дождиком?
Не светило ль солнце жаркое?
Йер ли ирной не задабривал?
Одари ж и ты нас хлебушком!
Песня жнеца

В господский дом охотника, разумеется, не пустили – невелика птица, посидит до темноты и в халупке[10]. Оно даже лучше вышло: домик был просторным и чистым, хозяева прислугу не обижали, и некоторые рабы вели себя даже вольнее наемных работников, отличаясь от них только грубо заклепанными браслетами. Самодельный скваш, которым радушно попотчевали гостя, оказался на порядок вкуснее трактирного, и то разливавший его по кружкам старик сокрушался, что сусло в этом году отчего-то еле бродит, так и норовя заплесневеть.

Вечером в халупке стало еще веселее – вернулись полевые рабочие. По их словам, чуть живые, но уже через полчаса, после ужина, кто-то вытащил из сундука жайру-трехструнку; сначала просто тренькал, негромко подпевая, потом к нему

---

[10] длинный дом для слуг и рабов, обычно разделен на две части с отдельными входами. Зачастую к нему по сторонам пристраивают овин и хлев

присоединились девчонка с бубном и хмельной дедок, отбивавший ритм ложкой по ведру. Дом наполнился плясовым топотом и визгливым хихиканьем женщин. Одна рыжуха так и норовила присесть к горцу на колени, но тот предпочитал отшучиваться и ссаживать назойливую красотку. Перед охотой ЭрТар старался не злоупотреблять ни выпивкой, ни иными развлечениями. К тому же распущенность равнинных девок коробила горца, хотя и не настолько, чтобы совсем ими пренебрегать.

Вскоре стремительные летние сумерки заставили горца поблагодарить за гостеприимство и распрощаться. Скваш – коварная штука: голова остается ясной, а тело хмелеет, и пока не встанешь, не поймешь, насколько сильно. На сей раз ЭрТару удалось остановиться вовремя… ну, почти. По крайней мере, пока он дошел до третьего по счету поля, от постыдной вялости в ногах не осталось и следа.

Пестрые закатные разводы постепенно стекали за дальний лес, с запада наползала и густела ночная синева. Жара сменилась прохладой, а там и сырым холодом. ЭрТар разгрузил корлисса, набросил на плечи темно-серую куртку с высоким облегающим воротником, больше напоминающую доспехи, – из пропитанной блестящим составом кожи с нашитыми поверх кольцами, широкими и тонкими, как браслетки на девичью руку. Некоторые охотники носили настоящие кольчуги, но те, по мнению горца, слишком сковывали движения.

Оглядевшись и убедившись, что если за ним и наблюдают, то из деликатной дали, ЭрТар, скрестив ноги, уселся прямо посреди дороги и вытащил из внутреннего кармана куртки небольшую, с ладонь, деревянную коробку брусочком. Внутри плотненько, бок к боку, лежали стрелки – черные вперемешку с красными, отравленными. Охотиться можно с любыми, но для вторых меткость не столь важна, лишь бы зацепить, зато первые втрое дешевле. Приказчик сказал, что дичи тут много? Значит, красные. Окупятся.

Тишш потоптался рядом, но ложиться не стал. Косился на поле, смаковал ноздрями воздух и возбужденно пофыркивал. ЭрТар и сам трепетал от предвкушения, но тщательная подготовка – прежде всего. Горец ногтем подковырнул тупой конец стрелки, выуживая ее из коробки. Дальше пошло легче. Тринадцать штук охотник сразу зарядил в мыслестрел, бдительно прислушиваясь к щелчкам пружин, еще два семерика переложил в кожаный кармашек при поясе, дважды проверив, чтобы все лежали остриями вниз. Конечно, помереть от укола не помрешь, но палец опухнет, а то и нарвет. Приятного мало.

Парень захлопнул коробку, перевернул и, вставив кончик ножа в еле заметную щелку, сдвинул панель потайного отделения. Там, обернутые вощеной бумагой, чтобы не бренчали при встряхивании, лежали синие стрелки, купленные у знакомого обережника. Разрешения на них у горца, разумеется, не было, да охотникам его и не выписывали. Тем не менее

подобные штучки «на всякий случай» имелись у всех мыслестрельщиков (как витиевато выражался наставник ЭрТара, «даже сестре милосердия не стоит ходить по темным улицам без дубинки»), от ночных сторожей до наемных убийц.

Синенькая отправилась в последнее гнездо мыслестрела. Мало ли кто ночами по дорогам шастает, можно и на беглого каторжника нарваться.

Тем временем небо догорело, и самым ярким пятном в нем стала ущербная луна с тусклым отблеском подлунка справа. Черный силуэт Ориты горной грядой раскинулся на северо-востоке; у ее подножия величаво прогуливались желтоглазые хищники – двойки обережников с факелами.

– Тишш! – ЭрТар за хвост вытянул недовольно взмяукнувшего киса из посевов. – Погоди, я ж еще не закончил.

Охотник натянул защитные перчатки, поверх застегнул на правом предплечье браслет мыслестрела. По руке пробежала сладкая дрожь, требовательно ткнулась в плечо, сообщая о готовности оружия. Если у него и впрямь имелась душа, как уверяло большинство мастеров, то эта с тем же успехом могла принадлежать стройной, холодной и надменной брюнетке с повадками дикого корлисса, способного часами лежать в засаде, чтобы потом одним прыжком сломать жертве хребет. Штучная игрушка, из-за которой, собственно, охотник и оказался на мели. Но она того стоила: из легчайшего юлландского сплава, полностью сливающаяся с рукой, повинующаяся даже не мысли – ее преддверию.

Горец, наконец, поднялся (кошак тут же радостно юркнул в голенастые стебли) и неспешно побрел по направлению к центру поля, сдержанно поругивая Темного Иггра, научившего людей бражничать. Остец – высокий и густой злак, хотя менее урожайный, чем та же рожь, а требует двукратной ирны. Но именно из остеца делают сусло для скваша, поэтому выращивать его все равно выгодно.

ЭрТар не сделал и семерика шагов, когда наткнулся на пятно более низких и светлых стеблей, заставившее охотника одобрительно покачать головой. У хозяина поля оно наверняка вызывало противоположные и куда более красочные чувства, ибо означало, что здесь завелись крагги. И, если как можно скорее от них не избавиться, с обильным урожаем можно распрощаться.

А вот тут его добыча сидела долго, возможно, несколько ночей подряд. Остец не только резко замедлил рост, но и пожух, скрючил листья и полег, словно ему под корень плеснули кипятком.

Как раз в этот момент одна из крагг, словно решив, что коль их уже вычислили, то можно не таиться, подала голос:

– Пррр… ста, ста! Пррррр… сссхакт! Ссса…

Стрекочущие звуки раскатились над полем, как горсть брошенного на лед пшена. Совсем рядом с охотником, у кромки поля, отозвалась другая, на противоположном краю, хором, еще три или четыре.

– Работаем, Тишш! – ЭрТар набросил кожаный капюшон и туго стянул завязки под подбородком. Людей крагги не едят, но, как и осы, злобно атакуют незваных гостей. Кто-то может выдержать три-четыре укуса, кто-то отдает концы от одного – но такие обычно в охотники не идут. В любом случае, удовольствие маленькое – жвала у крагг хоть и слабые, зато преострые, незащищенное тело способны располосовать до костей, вокруг раны быстро возникает отек, в глазах мутнеет, а сердце начинает колотиться как бешеное.

Шорох стеблей стих. Горец по-прежнему не двигался с места, даже не пытаясь определить, в какую сторону сейчас крадется взявший след кис. Все равно почти никогда не угадывал, только головой крутить и оставалось.

Ага!

Невидимый Тишш сделал охотничью стойку: передняя половина тела припала к земле, кисточка высоко задранного хвоста ярко белеет над зеленями, в темноте кажущимися черной глубокой водой. Охотник в сотый и последний раз провел рукой по застежкам куртки, проверил, свободно ли вращается запястье и не топорщится ли перчатка перед дулами. Вроде порядок.

– Киса, взять!

Кисточка исчезла. Сочно всхлипнули мнущиеся стебли, корлисс визгливо мявкнул, и из «воды» вырвалась первая крагга. Три пары жестких крыльев затрещали флюгерами, поднимая в воздух жирное тельце с растопыренными лапа-

ми. Вслед за краггой, не удержавшись, прыгнул кис, пытаясь сбить тварь когтистой пятерней.

– Тишш!!!

Кошак на лету виновато съежился и шумно шлепнулся в остец. Невредимая кragга скрылась в темноте и, судя по звукам, вскоре снова села.

Стрекот оборвался.

Горец не страдал излишней суеверностью, поэтому неудачное начало охоты подпортило ему настроение, но отозвать корлисса не заставило. Пусть другую вынюхивает, засранец хвостатый! Схлопотал бы стрелку в бок, надолго бы отучился под стволы прыгать.

Вторую краггу выслуживающийся кошак нашел и поднял на крыло вдвое быстрее. Охотник вскинул руку с мыслестрелом – пальцы сжаты в кулак, слегка отклоненный вниз, чтобы не заслонял дула на тыльной стороне предплечья, – и стрелка с тихим свистом ушла вдогонку дичи. Настигла или нет – станет ясно через пару минут.

ЭрТар опустил руку и перевел дыхание, бдительно прислушиваясь, не выбивается ли что из общего ветряного шелеста.

Белый «флажок» снова взвился над зеленью, теперь открыто и уверенно двигаясь к горцу. Стебли раздвинулись, и показалась умильная морда корлисса, сжимающего в зубах членистую лапу волочащейся за ним кragги. Тишш аккуратно положил добычу у хозяйских ног и громко заурчал, тре-

буя похвалы.

– Глупая ты скотина, – ласково сказал горец, нагибаясь за добычей. Ишь, отъелась, зараза, одной рукой еле удержать!

ЭрТар вытащил из-за пояса кинжал и, ловко поворочав его кончиком в сочленениях панциря, отделил голову твари – гладкую, холодную и увесистую, как камень. Кинул в болтающийся на другом боку мешок и равнодушно отбросил тушку – только на удобрение и годится. Ну еще корлиссу в кошки-мышки подурачиться.

– Тишш!

Кошак небрежным взмахом лапы задвинул дохлую краггу себе за бок и обратил на хозяина кристально честные глазищи. Нижние, голубые половины радужек отражали лунный свет, черные верхние словно впитывали. В центре пронзительной желтизной фосфоресцировали зрачки.

– Иди лучше с живыми поиграй.

Кис понятливо муркнул и длинным прыжком скрылся в остеце.

ЭрТар прикинул, не подзарядить ли мыслестрел, решил, что ради одной стрелки лезть в карман не стоит, еще успеется. Благосклонно покосился на старательно светившую луну, и вот тут-то началась самая потеха.

Обычно охотнику удавалось поодиночке вспугнуть и застрелить семь – восемь крагг, прежде чем тупые твари соображали, что происходит. Но то ли чем больше стая, тем лег-

че ее переполошить, то ли Тишш нарвался на гнездо, однако на сей раз не было ни кисточки, ни команды – крагги вспорхнули сами, разом, кучной стайкой в полтора-два семерика: три родителя и только что выбравшееся из-под земли потомство. По размеру молодые крагги почти не отличались от старых, даже казались чуть больше из-за покрывающей их щетины.

Пока ЭрТар ошеломленно пытался сосчитать тварей, на трескучий, лавинообразно усиливающийся шум крыльев поднимались остальные гнезда – словно ветер на одуванчиковую полянку дунул, сорвав в полет семенные пушинки.

Остец торопливой змейкой прошуршал обратно к охотнику. Заметно струхнувший кошак спиной прижался к хозяйским ногам, вопросительно глянул ЭрТару в лицо: «Ну я тебе больше не нужен? Теперь ты их и сам видишь?»

Лучше б не видел!

Горец плашмя рухнул в остец, тут же перекатившись на спину. До сих пор он про такие стаи только байки слышал, причем не геройскую похвальбу, а ночные страшилки. Три, ну четыре семерика на такое поле, и то если его с осени не досматривать! А тут вторую ирну всего месяц назад призывали – чистенькое было, словно храм перед праздничным молебном! Как они умудрились так быстро расплодиться?!

Впрочем, сейчас ЭрТару меньше всего хотелось размышлять о превратностях сельского хозяйства. Из его нынешней позиции раздраженно кружащие над полем крагги казались

обычными жуками, затеявшими весенний танец. Пропитка куртки пока скрывала охотника от нюха рассерженных тварей, а цвет – от куда более слабого зрения, но когда они снизятся (а летать крагги не сильно любят), долго разлеживаться не придется.

Тишш до хруста вжался горцу в бок. Шерсть корлисса идеально сливалась с землей и зеленью, у кошака-то как раз больше шансов переждать налет.

ЭрТар машинально прикинул, сколько удалось бы заработать на таком изобилии. Не меньше десяти полновесных браслетов, а то и целые бусы. Корову купить можно.

Кто-то и купит, а на сдачу, из охотничьей солидарности, его захоронит.

Гнезда рассыпались и перемешались, от краев стаи оторвалось несколько клоков, с концами улетев на освоение новых полей. Но патриотично настроенное большинство не прекращало выискивать злоумышленника. На ЭрТара пару раз пахнуло взбитым крыльями ветром, однако твари так стремительно промчались над макушками злаков, что разглядеть горе-охотничков просто не успели.

А вот коршуном упавшая сверху – успела.

Стрелка с хрустом проломила панцирь между растопыренными лапами, на куртку брызнуло крупитчатой жижей, и крагга, закувыркавшись, упала в остец десятью шагами левее горца. Туда же горохом ссыпалась добрая половина стаи, а остальные подтянулись поближе.

Горец до крови закусил губу, почти не ощутив боли. Самообладания у него хватало, но ручаться, что на месте его держало именно оно, а не сковавший тело ужас, он бы не стал. В темноте клубок крагг казался единым многолапым чудищем, от которого до человека было если не рукой, то ногой уж точно подать. ЭрТар слышал, как они там копошатся, шуршат остецом и скрежещут зубами от злости (ну, зубов у крагг, положим, не было, но скрежет получался весьма характерный и выразительный). В таком шуме затерялась бы даже скрипящая на все четыре колеса телега, и горец начал потихоньку отползать в стороночку, взяв курс на, как он надеялся, обочину поля. Только бы не вскочить раньше времени или, того хуже, завопить!

Обследовав труп собрата, крагги расходящимся кольцом продолжили поиски, ненадолго задержавшись на месте, где только что лежал охотник. Куртка курткой, но здесь он дышал, касался земли ладонями и примял стебли, теперь источающие острый аромат сока. Оставленную им дорожку твари тоже заметили, но, в отличие от куда более умных собак, которые кинулись бы в погоню всей развернувшейся веером стаей, по следу крагги поползли цепочкой. Причем каждая принюхивалась самостоятельно, не соображая, что можно просто следовать за вожаком, значительно упрощая и ускоряя дело.

На это ЭрТар и рассчитывал. Если рвануть по дороге с горочки, шагов через четыреста будет старый, давно никем

не осеняемый сад. Крагги не любят далеко улетать от гнездового поля, а от дикоцветных земель почему-то и вовсе шарахаются. К лесу, например, даже на полвыстрела не подойдут. Вот только правильно ли они с Тишшем ползут? Ладно еще пересечь поле поперек, но вдоль или наискосок… На мысли о блуждании в остеце по кругу горца прошиб холодный пот, а мышцы предательски заныли. Охотник на миг остановился, переводя дыхание и прикидывая, стоит ли рискнуть и высунуться разведать, что там и где.

Это его и спасло. Еще шаг – и ЭрТар уткнулся бы в неподвижно сидящую на земле краггу. Четыре растопыренные, вывернутые коленями наружу лапы подпирали огурцевидное тело, покрытое ломким тараканьим панцирем с наметками чешуй. Тяжелое, мерно пульсирующее брюхо лежало на земле, высасывая из нее животворную силу. Жвала шевелились в такт, как хвост у жующей коровы.

Горец так и застыл с приподнятой ногой, как пес у кустика. Крагга таращилась, казалось, прямо на охотника. ЭрТар знал, что пока эта тварь жрет, согнать ее с места можно только пинком под зад, однако пустой и одновременно пронизывающий взгляд удовольствия все равно не доставлял. Хоть бы Тишш не вздумал с ней сцепиться! На скрежет и мяуканье сюда вся стая сбежится…

Но дурашливый кошак дураком тем не менее не был, дав задний ход еще раньше хозяина. ЭрТар начал осторожно обползать краггу слева, с тоской осознавая, что окончатель-

но потерял направление. Та же словно издевалась над человеком – то переступала лапами, заставляя сердце охотника заполошно екать, то расправляла и складывала крылья.

Наконец черный раскоряченный силуэт затерялся в остеце. Над головой тоже вроде бы никто не кружил. Охотник привстал на колени, боязливо потянулся вверх… и тут ему в бок с разгону врезался Тишш, с мявом шарахнулся, блеснул дурными глазами и, уже не таясь, почесал куда-то в сторону. За ним, задевая брюхами еще бесколосые макушки стеблей, неслись сразу три крагги.

Горец мрачно подумал, что дешевле и быстрее один раз пристрелить паскудного кошака, а рука с оружием уже сама взвилась вверх. Одна крагга сразу выбыла из строя, вторая еще какое-то время трепыхала крыльями, все сильнее вихляясь в стороны, но потом рухнула и она. Пальнуть в третью ЭрТар не успел – четвертая налетела на него самого. Выстрел в упор ее не остановил, пришлось добавить кулаком. На перчатке остались светлые капельки яда, вокруг снова начал нарастать шелестящий гул.

Понимая, что терять уже нечего, охотник вскочил на ноги. Темный Иггр на сей раз пакостил спустя рукава, но и Светлый благодарности не заслуживал: до кромки поля оставалось всего пятнадцать – двадцать шагов, однако сад оказался дальше, чем ЭрТару казалось – выстрелах в двух. Прикидывать, успеет ли он туда добежать, времени не было – горец пригнулся, пропуская над головой разъяренный шести-

крылый ветряк, послал ему вслед стрелку и, даже не поглядев, догнала ли, что есть мочи рванул к саду. Остец остервенело лупил охотника по животу и бедрам, путаясь в ногах, и когда наконец закончился, ЭрТару показалось, будто сам Двуединый отвесил ему напутственный пинок под зад. Божественная помощь пришлась весьма кстати: горец споткнулся, сделал несколько огромных прыжков, но убежать от земли все равно не сумел и, едва успев сгруппироваться, кубарем покатился с горки.

Крагги приотстали, сбитые с толку человеческим коварством. Самая азартная все-таки вцепилась охотнику в плечо и попыталась прокусить куртку, но была тут же подмята и раздавлена если не в блин, то в лепешку. Только голова щелкать жвалами осталась.

У подножия горки, почувствовав, что качение замедляется, горец вскочил, снова обратив на себя внимание кружащей в небе заразы, и, не отвлекаясь на подсчет синяков, нырнул в холодное дыхание сада.

Добежав до первой грушки, ЭрТар хлопнул по ней ладонью («осалил!»), поймал ствол в крюк локтя и круто развернулся вокруг дерева. Трех крагг снял в упор, еле успевая переводить руку, еще одну – на подлете, парочку – на поспешном улете, а оставшиеся стрелки выпустил уже со злорадным смаком, выбирая цель покрупнее и помедлительнее. Забывшись, даже синенькую услал; интересно, сдохнет ли от нее кragга хотя бы к утру?

Пять-шесть минут, и небо снова уснуло, оставив неугомонный ветер приглядывать за полями. После такой встряски крагг не скоро потянет стрекотать… вот жрать – да, к утру в остеце заметно прибавится мертвых пятен.

Горец опустил руку и позволил дрожащим ногам подогнуться, усадив зад в некошеную, холодную и росистую траву. Расползшийся по земле куст красной смородыи приподнял ветку и моргнул ЭрТару двуцветными глазами.

– Брысь, – пробормотал горец, но так устало и обреченно, что кошак с мурканьем выкарабкался из тайника и подбежал к хозяину, ткнувшись мордой в колени. ЭрТар словно бы нехотя положил руку ему на загривок, зарыл кончики пальцев в мягкую шерсть, успокаивая корлисса и успокаиваясь сам. Что ж, теперь и ему будет что рассказать впечатлительным молокососам, причем не с чужих слов! Вот только захочется ли?..

Глава 3

…прислуживали ему звери, птицы, гады и древа, имея за то власть над родом человеческим. И было так много-много лет, пока не пробудили людские плач и стенания Иггра Двуединого. Сжалился он, свил плеть из тьмы и света и вызвал Тваребога на бой…

…прикончив же чудище, взял людей под свою опеку, а у прочих тварей отобрал разум, ввергнув жизни их и потомство воле людской…

Отрывки из храмовой проповеди

Подлунок налился красноватым сиянием и перебрался влево от луны – выходит, дело шло к рассвету. ЭрТар потянулся и поменял скрещенные ноги местами. Служивший ему подушкой кошак тоже поднял голову и начал вылизывать бок, а заодно и хозяйское ухо. Урывками дремать на жидкой охапке веток – не шибко приятное занятие, но для привычного к вольным ночевкам горца не смертельное и даже не простудное. Возвращаться в халупку по темноте да мимо поля охотник не решился – от него слишком пахло кражжьей кровью, чтобы не опасаться мести родичей и друзей покойных. Так неаккуратно охотник еще никогда не работал; теперь куртку придется сутки вымачивать в бадье с душистым щелоком и пропитывать заново.

Перезаряженный мыслестрел кандальным браслетом на-

мозолил руку, но снимать его ЭрТар не торопился. Селища жались к городу, как кусты к лесу, что позволяло обережи и йерам быстро до них добраться, но от самих нападений не уберегало. Напротив – хищники, падальщики и моруны кружили вокруг человеческого улья, как ночные бабочки у лампы, не в силах оторваться от такого яркого, многообещающего огня. Гильдия охотников порой устраивала на них «бесплатные» (платил город) облавы, которые скорее развлекали и успокаивали народ, чем приносили реальную пользу: матерые людоеды хребтом чуяли беду и временно откочевывали, оставляя на заклание молодняк и задохликов, с которыми и так управится любой мужик с вилами, а то и баба посмелее. К тому же одно дело улюлюкающая толпа с сетями, трещотками и всевозможным оружием, выбравшаяся в солнечное поле, как на гулянье, и совсем другое – одинокий охотник, спящий за околицей. Вдруг крадущемуся за курочкой клыкачу[11] он покажется аппетитнее?!

Впрочем, клыкача Тишш за полвыстрела обнаружит. Нюхом, слухом или пресловутым кошачьим чутьем – Иггр его знает, но не подведет.

Корлисс согласно мурлыкнул, продолжая старательно работать языком. Горец заложил руки за голову, разглядывая поле, издалека кажущееся обманчиво-тихим. Внезапно подумалось: а ведь охотиться с каждым годом становится все сложнее. Еще десять лет назад это было скорее забавой, а се-

---

[11] наземный хищник размером с кабана, на него же и похож

годня, вон, еле ноги унес. Или мальчишкам все кажется забавой? Да нет, иначе им бы не позволяли глазеть с заборов, как охотники будут отстреливать крагг – то ли более пугливых, то ли менее ядовитых. И таких огромных стай тогда уж точно не было.

Проблемы обычно начинались через неделю-другую после призвания ирны, когда посевы буйно пускались в рост, сочной молодой зеленью привлекая алчные взгляды вредителей. Селищане, поругиваясь, «принимали гостей»: женщины с подвернутыми подолами обходили грядки, собирая в них жуков и гусениц, дети ветками сбивали хищно кружащих над рассадой бабочек. Но с этой напастью удавалось покончить за одну-две недели, а у ленивых хозяев она чуть позже исчезала сама, оставив на память кружево дырок в ботве.

С краггами также «полюбовно» договориться не удавалось. Они не унимались, пока на поле оставался хотя бы один росток, а вырытые ими норы превращали осеннюю пахоту в тяжелое и опасное, вплоть до сломанных ног, занятие. Нет, сами всходы крагги не ели, как, впрочем, и что-либо другое. Их интересовала только ирна, в которой они, как моли, прогрызали быстро расползающиеся дырки. Мало того, «заштопать» оные выходило дороже, чем осенить поле. Крагги не просто выпивали Иггрову силу – они отбирали у земли способность ее принимать.

Неудивительно, что ремесло охотника числилось в семерике самых уважаемых и хлебных.

На макушку яблони опустилась сорока, покосилась на своего «тезку», нашла его возмутительно живым для столь многообещающей позы и с горя начала поклевывать листочки. «Что это она среди ночи разлеталась?» – лениво удивился горец и тут же спохватился, что различает каждую веточку в кронах, а небо между ними уже не черное, а грязно-серое.

ЭрТар дунул в нос сердито расчихавшемуся кошаку и легко вскочил на ноги. Тишш перевернулся на живот, вопросительно уставился на хозяина.

– Выпускай царапки, кис. Сливок не досталось, так хоть блюдце вылижем. – Охотник попытался наступить на околачивающий росистую траву хвост, но, как всегда, промазал. Тишш умудрялся виртуозно отдергивать его даже во сне.

Корлисс с достоинством поднялся, потянулся и потрусил к полю. Днем по нему можно было ходить без опаски: перед рассветом крагги убирались в норы, раскапывать которые пришлось бы до вечера – но таких идиотов не находилось.

За полчаса Тишш отыскал и приволок хозяину оброненный мешок и девять дохлых крагг. Три куда-то пропали, а может, ЭрТар преувеличил свою меткость. К радости горца, выпущенная в запале синяя стрелка тоже вернулась в коробочку. Ладно, если подранок унесет ее с собой в нору, а вдруг бы пахарь наступил?! Зато теперь горец точно знал, что смертельный для человека яд крагг не берет. Даже на-

оборот – как будто придает сил: пробитая синенькой тварь издохла совсем недавно, еще окоченеть не успела.

Возле халупки ЭрТара уже ждали, причем не только приказчик, но и добрая половина батраков с рабами, выгнать которых на поля голой, хоть и весьма заковыристой руганью не удавалось. Вхолостую пощелкивающий кнут никто всерьез не принимал, кое-кто понахальней еще и огрызался: мол, тебе надо, ты и паши, а нам тоже посмотреть охота. При виде горца перебранка мигом угасла, народ столпился вокруг охотника, поочередно заглядывая в раскрытый мешок и сдавленно охая. Приказчика немилосердно оттерли в задний ряд, где он, неубедительно покрикивая, топтался на цыпочках и тянул шею.

Горец, рисуясь, тряхнул мешок за углы. Трофеи раскатились по утоптанной плешинке перед крыльцом, и толпа живо поредела. Заказчик наконец пробился вперед, что почему-то не вызвало у него бурной радости.

– Всех порешил? – уточнил он, боязливо косясь на кражжью голову, топырящую жвалы в пальце от его сапога.

– Хэй, где там – это я так, на разведку сходил, – небрежно бросил охотник.

Восторженные взгляды сменились благоговейными. Приказчик все-таки не выдержал и отступил на полшага. ЭрТар, напротив, подбоченился, изобразив гордого и слегка оскорбленного героя, платить которому всего две бусины с головы – стыд и позор.

– Вы их там чего – нарочно прикармливаете, э? Я даже мыслестрел перезарядить не успел! – Охотник оттянул полевые работы еще на полчаса (возражающих не нашлось), в лицах, руках и ногах изображая ночное побоище, а закончил емким: – Вчетвером бы туда – самое то.

Приказчик недоверчиво поохал, потеребил ни в чем не повинный кнут, но был вынужден согласиться с ЭрТаром. Договорились, что вечером парень вернется сюда с подкреплением, а сейчас получит в качестве аванса двадцать… ну, тридцать, чтоб те лопнуть!.. бусин. И завтраком его бесплатно накормят, и спать уложат, и обед…

На этом месте уболтанный горцем приказчик спохватился и поддакивать ему прекратил. Работников, наконец, удалось разогнать по полям (некоторых откровенными пинками под зад, но это уже мелочи), ЭрТар нанизал полученные бусины на почти пустую браслетину и в распрекрасном настроении отправился в халупку отъедаться и отсыпаться.

* * *

У горцев есть присловье: «Хороший день должен быть длинным, плохой – коротким». То есть если что-то не ладится, то надо пораньше лечь спать, а если дело само горит в руках, то не грех заработаться и до рассвета.

Беда в том, что иногда плохие дни ходят парами, а впадать в спячку люди еще не научились.

Во-первых, стряпухин кот, зараза, расковырял стынущую возле окна кашу, выцарапав оттуда все шкварки. Мерзавца за шкирку послали в воспитательный полет, но кушанье от этого аппетитнее не стало, отправившись в помои. Так что завтракать горцу пришлось хлебом с водой – все остальное успели слопать поднявшиеся еще до рассвета работники.

Во-вторых, в углах двора стояло по будке с цепной псиной; проходивший в любой стороне человек и даже пролетавшая ворона незамедлительно замечалась и хором облаивалась. Уши местных привычно пропускали этот концерт насквозь, а вот пытающемуся уснуть охотнику пришлось туго. К тому же в горах собаки без нужды не лаяли, и будил его не сам брех, а непроизвольно вздрагивающее тело: «Опасность!»

В-третьих, когда ЭрТару все-таки удалось отвоевать у собак огрызок сна, ему привиделась такая дрянь, что лучше бы не засыпал. Какая-то битва на забрызганном кровью чердаке, сгорающий заживо человек, мертвый младенец в колыбели… Охотник выдрал на всякий случай не один волос, а целых три, и все равно гадкий осадок остался[12].

Вдобавок оказалось, что горец проспал обед (который ему и так не обещали, но можно было попробовать примазаться к раздаче).

После этого ЭрТар смирился с судьбой и подсчитывать на-

---

[12] По горскому поверью, чтобы приснившийся кошмар не стал пророческим, надо вырвать у себя волосок и сжечь его

несенные ею убытки прекратил.

Та же, уверившись в собственной безнаказанности, удвоила усилия.

Главу гильдии охотников будто к Иггру в гости зазвали. Дома сказали, что он уже ушел в «Упрямую воблу», а едальня оказалась закрыта и опечатана обережью за драку, о которой ЭрТару с превеликой охотой поведал местный пьянчуга, принимавший в ночном побоище самое непосредственное (судя по синяку в форме днища кружки на лбу) участие. Нарушение городского спокойствия обычно каралось штрафом с самих драчунов, однако хозяин едальни имел глупость обругать запоздавших обережников (махающая кулаками компания успела разнести пять столов и бочку со сквашем, не считая более легковесных предметов), за что и поплатился. Но глава гильдии, увы, ночевал дома (тем самым избежав похмельного пробуждения в застенках), поэтому где искать его теперь, горец понятия не имел.

На главных улицах началось вечернее гулянье по случаю Вознесения Невесты – с традиционными дудочниками и лютнистами, гадательными палатками, печеными яблоками на палочках, нищими и ворьем. Живот и Тишш все громче урчали дуэтом, и ЭрТар, сдавшись, отправился искать главу к ближайшей жаровне под броской надписью «Горскый лепешка с начынка – два купыш, трэтый дарым!». Судя по дорогой лаковой краске и обилию завитушек, явно намалеванных в мастерской, ошибки были сделаны нарочно,

дабы покупатель не усомнился в истинно горском происхождении яства. На деле же вместо козлятины над огнем томилась говядина, а под лепешки на ячменной браге неубедительно маскировались постные, слегка подгорелые блины, так что горского от них осталась только физиономия продавца.

Соскучившийся за день земляк попытался втянуть ЭрТара в разговор, но тот вежливо согласился, что жителям равнин не понять величия гор, расплатился и отступил, давая место следующему покупателю. Разговоров о родне, которые неумолимо пойдут следующий темой, он старался избегать.

Свернув за угол, ЭрТар с любопытством надкусил «национальное блюдо». Ну если равнинники такое едят, авось и он не отравится. Горячая, по крайней мере.

Кошак тем более не стал привередничать, слопав свою долю вместе с салатными листьями, в которых подали лепешки. Среди корлиссов, как и их родичей-котов, частенько попадались привередливые твари, снисходящие только до отборного мяса, но с ЭрТаром у Тишша не было шансов избаловаться. Иногда им даже последнюю картофелину приходилось пополам делить.

Попеременно жуя лепешку и выуживая из зубов сопротивляющиеся трапезе волокна, горец переулочками побрел к площади. Не то чтобы он успел так хорошо изучить город, но, поймав направление, не сомневался, что рано или поздно выйдет к храму.

Порядочные горожане, похоже, выбирали другие места для прогулок, и здешние обитатели сплошь подозрительного вида косились на ЭрТара с удивлением. Однако дорогу не заступали. Светло еще, да и вышагивающий у ноги горца кошак отбивал охоту знакомиться ближе. Один нищий, правда, рискнул попытать успеха, заведя жалостливую песню про Светлого Иггра, который, несомненно, запишет кинутую убогому бусину во главу списка благих дел охотника…

ЭрТар бессовестно воспользовался грозной репутацией горцев, соорудив для попрошайки такой блестящий и кривой оскал, что фьета сломалась бы от зависти. Светлый Иггр разочарованно скомкал свиток и закинул на верхнюю полку хранилища судеб. Темный, напротив, упоенно строчил уже на обратной стороне меленько исписанного пергамента.

Нищий с разочарованным шипением попятился, а горец, приметив впереди полукруг знакомой арки, ускорил шаг.

– Господин, подождите!

Тонкий просительный голосок заставил ЭрТара раздраженно скрипнуть зубами. Теперь они уже детей к нему подсылают!

– Чего тебе?! – рявкнул он на подбежавшего ребенка. Девочка испуганно сжалась в комочек и, чуть слышно пролепетав: «Вот, вы уронили…», протянула горцу намордник, который Тишш каким-то образом умудрился сорвать с ошейника, а судя по неприглядному виду «потери», еще и попытался зарыть в мусоре.

– Спасибо… – Смущенный ЭрТар потянулся за браслетом, но не успел расстегнуть, как рядом хлопнула дверь, и на улицу выскочила простоволосая женщина в сером обтрепанном платье, одной рукой прижимая к себе грудного ребенка, а в другой держа обугленный снизу кол, которым, видимо, прочищали дымоход.

– Сайя!

Девочка обеими руками вцепилась в мать, уткнулась лицом ей в живот и начала тоненько всхлипывать.

– Да я вовсе не хотел ее испугать… – растерянно начал ЭрТар, наткнувшись на взгляд женщины, как морун на рогатину. – Думал, она тоже клянчить примется…

– Клянчить?! – вспыхнула женщина, оперлась на кол, поудобнее перехватила ребенка и запальчиво бросила горцу в лицо: – Если нам с мужем приходится жить в трущобах, это еще не значит, что какой-то пестрокосый проходимец смеет оскорблять моего ребенка! Мы честные люди! Как только заработаем на долговую ирну, немедленно отсюда уберемся и забудем этот Иггром проклятый город и твою наглую рожу, как страшный сон!

– Много вам надо скопить? – мирно поинтересовался горец.

– Не твое дело! – Впрочем, женщина уже начала остывать, а видя на лице случайного собеседника неподдельное участие, нехотя проворчала: – Тридцать две серебряные…

ЭрТар переливчато присвистнул, восхитив оторвавшуюся

от маминой юбки девочку.

– Ну значит, еще три осталось.

Расстегнутый браслет закачался у младенца перед носом, и тот немедленно вцепился в него обеими ручонками.

– Но… господин… я не могу… Это же такие деньги… – потрясенно забормотала женщина, пытаясь отобрать у ребенка блестящую низку, однако тот проявил удивительную для столь юного возраста практичность и расставаться с браслетом не пожелал, подняв возмущенный рев.

– Хэй, это всего лишь деньги, – отмахнулся горец, мысленно добавив: «И я смогу заработать еще, а вы – вряд ли». Не оплаченная до лета ирна была практически гиблым делом. Йеры охотно взывали к Иггру в долг, отмеряли три месяца сроку, а потом приходили и хладнокровно отбирали ирну обратно, обрекая селищан на голод и продажу земли за полцены (храмы же ее и скупали, немедленно пуская в оборот). – Во славу Светлого!

– Да услышит он тебя, – слезно прошептала женщина ему вслед – спорить после посвящения какого-либо поступка Иггру считалось кощунством. Самому ЭрТару чхать было на Двуединого, чужие обычаи он не столько уважал, сколько использовал в своих интересах; горские же традиции не позволяли принимать благодарность за добрый поступок, дабы не умалять его, потому ЭрТар и поспешил улизнуть. Пусть считает богатым чудаком, плевать. Слишком долго объяснять, почему он не мог поступить иначе.

У самой арки охотника снова задержали, с ненавистью просипев за спиной:

– Лучше бы в канаву кинул!

ЭрТар круто обернулся. В глубине переулка, привалившись к стене, стоял давешний нищий. Тишш, отбежав на несколько шагов, сердито шикал и топырил усы.

– Оттуда добрые люди еще достали бы, не погнушались… – продолжал побирушка, видать, до глубины души уязвленный, что такой жирный кус обломился не ему. – Хорошему человеку бусины пожалел, а перед лживой бабой киселем растекся! Тьфу…

Расстроить горца ему не удалось. ЭрТар слишком хорошо помнил затравленное, обреченное лицо женщины – и озарившую его радость, которая не имела ничего общего с предвкушением кутежа за счет доверчивого простака. Такое невозможно подделать.

…Такое невозможно забыть…

– Кис, – ласково обратился охотник к дымчатому, подчеркнуто игнорируя нищего. – Помоги этому человеку обрести внутреннюю гармонию, э? Съешь его!!!

К сожалению, людоедство, как и храбрость, не входили в число достоинств Тишша. И если «обед» при виде мчащегося на него корлисса не кидался наутек, то вскоре догонять приходилось самого кошака.

Но на этот раз все прошло гладко. ЭрТар демонстративно отряхнул ладони друг о дружку, свистнул увлекшемуся ки-

су и прицепил намордник на место. Кошак не сопротивлялся, но благодарности в сузившихся глазах не было ни на бусинку. Похоже, теперь у него действительно появился повод ненавидеть детей.

Народу на площади заметно прибавилось, причем гуще всего люди толпились в левой ее части, напротив храмовых, уже запертых до утра дверей. Судя по всплескам хохота и аплодисментов, там происходило что-то намного интереснее (по крайней мере, веселее) публичной казни.

Горец протолкался поближе, присмотрелся и места уже не уступил. На низких дощатых подмостках с лоскутами кулис шла скабрезная комедия о знаменитой битве богов. Расписанные шаловливой рукой маски сами по себе вызывали дурацкий смех, изображавший же Иггра паяц напялил сразу две, на лицо и затылок, по ходу действия бегая по сцене то белым передом, то черным задом. Отпускаемые героями шуточки подчас оказывались такими солеными, что зрители потрясенно стонали и тут же сгибались пополам от хохота, женщины аж слезы утирали.

Краем площади прохаживались обережники, недовольно косились на сборище, но не вмешивались. Представление давалось с соизволения храма, о чем владелец балагана имел надлежащую грамоту. Сколь бы глупо ни выглядела Иггрова задница, его противника Тваребога лицедеям удалось выставить в еще более дурацком свете, поручив эту роль черному лохматому козлу, порывавшемуся бодать всех подряд,

включая собственных «жрецов». Но, разумеется, особенно его привлекал темный, кхм, «лик» Двуединого, на который «враг сущего» бросался с удвоенной яростью.

Два йера приостановились напротив сцены, поглядели, сдерживая усмешки, сколько позволяло достоинство, и пошли дальше. До ЭрТара долетел обрывок разговора:

– …а как еще донести до отребья мысли о божественном?

– Да, но козел… не перебор ли это?

– Зато в козла они верят. Вот он – живой, вонючий и привычный. А значит, и Двуединый где-то рядом…

ЭрТар машинально покрутил головой, но Иггра у себя под боком не обнаружил. Зато вдалеке убедительным свидетельством его существования алела приметная рубаха главы гильдии охотников. Горец поглядел на его красное от смеха лицо и рассудил, что до конца представления мужик никуда не денется, а значит, и ему не стоит суетиться. Хотя подстраховаться не мешает.

– Тишш!

Сидящий у ЭрТара в ногах кошак с готовностью завилял хвостом.

– Хэй, да подними ты свою мохнатую задницу! – Горец чуть пошатнулся под весом вставшего на задние лапы, а передними упершегося ему в грудь корлисса. Руками повернул усатую морду в нужную сторону. – Вон там, видишь? Друг!

Кошак согласно фыркнул. Других знакомых ему лиц в том направлении не было.

– Паси его!

Тишш опустился на все лапы и, привычно задрав хвост, нырнул в частокол ног, как в остец. Пастух из него был неважный – кусать коз он не отваживался, и те, быстро это просекая, измывались над кошаком как могли. Но у людей ни рогов, ни копыт нет, да и смекалка не та. Как загородит тебе дорогу такая «киса», пинком под зад прогнать не посмеешь.

Успокоившись, ЭрТар целиком отдался зрелищу. Под громовой хохот публики отступники-жрецы были повержены, а козел оттаскан за бороду и под душераздирающее блеяние поставлен на колени. На нем «Иггр» триумфально и уехал со сцены, раздавая шутовские благословения и воздушные поцелуи.

Народ свистел и улюлюкал, по сцене градом стучали бусины, ударялись о декорации и скатывались на землю. Мальчишка-зазывала расторопно ползал на четвереньках перед помостом, собирая беглый гонорар в шапку. Когда восторг чуть поутих, лицедеи, включая козла, вышли на край сцены и, держась за руки («Тваребог» недовольно тряс башкой, пытаясь выдернуть стиснутые с двух сторон рога), поклонились.

Аплодисменты и денежный ливень возобновились. К ним примешивались горестные вопли ротозеев, так увлекшихся спектаклем, что на собственные браслеты внимания не хватило, и те, воспользовавшись случаем, сгинули в неизвест-

ном направлении. Обережники уже кого-то ловили, но, похоже, безуспешно – молодой оборванец драпал чуть ли не вдвое быстрее.

ЭрТар поискал глазами алую рубаху, с ходу не нашел, зато заметил, что сквозь толпу, распихивая ее локтями и приподнимаясь на цыпочки, дабы уточнить курс, пробираются трое мужиков. Мрачно сосредоточенные физиономии, а пуще того – поблескивающие на предплечьях мыслестрелы отбивали у народа всякое желание возмущаться, и дорогу охотникам пусть с легким ворчанием, но уступали.

Деятельные мужички ЭрТару совершенно не понравились. Особенную неприязнь вызывал тот факт, что двигались они в его сторону, а когда сталкивались с горцем взглядами, их рожи становились особенно зверскими.

– Эй, ты! Да-да, ты, – завопил один из них в ответ на фальшиво-недоуменную улыбочку горца. – А ну подь сюда, лицензию твою глянуть охота!

Мало ли чего им охота!

Глава гильдии как сквозь землю провалился, да и поздно уже что-то доказывать – решат, что струхнул, вот на поклон и кинулся. Так что горец приветливо сделал коллегам ручкой, присел, прячась в толпе и рванул в противоположную сторону.

Мужички тоже прибавили ходу, теперь откровенно распихивая людей, по гневным воплям которых ЭрТар и ориентировался. К сожалению, так же бурно оритцы реагировали

и на него самого, так что оторваться не удалось – преследователи успели заметить, между какими домами он шмыгнул.

Догнать мчащегося по пустой улочке горца сумел бы разве что корлисс, но на стороне преследователей был их родной город. Охотники разделились: один погнал ЭрТара вперед, а двое, срезав путь двориками, внезапно выскочили ему наперерез. Жаль, поторопились: горец успел затормозить и свернуть в первую попавшуюся арку.

Не успел парень порадоваться затухающему топоту конкурентов, как ему самому пришлось остановиться и крепко выругаться, глядя на журчащий поток под ногами. Отрезок канала, к которому он выскочил, с обеих сторон запирали впритык стоящие дома.

Видя, что «крыса» загнана в угол, мужички перешли на зловеще-размеренный шаг, наперебой излагая, что и в какой последовательности они с ЭрТаром проделают. Убедительности и изобретательности им было не занимать.

Но горец вскочил на парапет отнюдь не от безнадеги. Раскинув руки в стороны, он отступил к самому краю, рискованно качнулся и патетично объявил:

– Хэй-най, лучше умереть с отвагой, чем уйти с позором!

Как ЭрТар и ожидал, садиться в тюрьму, а то и на стенные шипы из-за полоумного горца коллеги не пожелали. Они остановились, наскоро посовещались и снова заголосили:

– Слезай, Иггров прыщ! Никто тебя, придурка, не тронет!

Отдай деньги – и проваливай!

Условия были более чем приемлемые: чужака, рискнувшего тайно подхалтурить на чужой территории, обычно не только лупили, но и обирали до нитки, вышвыривая из города в одном исподнем. Честное слово, будь у горца деньги – отдал бы без раздумий, еще и спасибо бы сказал!

– Извините, мужики! – ЭрТар с искренним сожалением развел руками. – Но я их уже того, выкин… Двуединому посвятил! Хотите, долговую расписку черкану, э?

Охотники забранились пуще прежнего. Полное право обидеться имел не только горец, но и Темный Иггр, которого ради появления ЭрТара обвенчали с кучей навоза, крысой и собакой женского пола, страдающей заразным кожным заболеванием.

Ситуация снова зашла в тупик. Взять с наглеца нечего, дать уйти – несолидно, свои же засмеют, а уж как потом будет пыжиться горская сорока…

Скорее всего, в конце концов охотники исчерпали бы запас ругани и отступили, пообещав достать ЭрТара хоть из-под земли. А может, горцу даже удалось бы уболтать их на совместное дельце… но каналом действительно слишком давно никто не занимался. Каменный парапет потрескался и выщербился, ямки заполнились прогреваемой солнцем водой, которую быстро сменила плотная скользкая тина.

Конкуренты слитно ахнули и подались вперед прежде, чем сам ЭрТар понял, что на этот раз выровняться не сумеет.

О нет, вода оказалась не ледяной! Лед не бывает настолько холодным, чтобы обжигать подобно лаве пограничных разломов!

…Когда охотники подбежали к каналу, на воде даже кругов не осталось…

Глава 4

…Если в дом проник вор, душегуб или иной лихой человек, а хозяева его убили, то должны сей же час кликнуть обережь и покаяться. Коль убитый и впрямь окажется злодеем, то виру за него считать как за раба, а буде за его голову награда, то сей штраф из нее вычесть.

Если же посмеют они утаить тело, а кто-нибудь увидит и донесет, то спрашивать с них по всей строгости, как за безвинного, а доносчику пожаловать серебряный браслет из городской казны.

Оритский Судебник

Привычка обережного главы раскачиваться во время разговора на пятках раздражала всех его собеседников. Особенно жену, постоянно бранившуюся, что половина его зарплаты уходит на подметки (впрочем, даже на остаток она ни в чем себе не отказывала).

Подчиненным, увы, приходилось терпеть и молчать. Например, Джай уже пять минут изображал верноподданнический взгляд, навытяжку стоя перед то клонящимся на него, то отшатывающимся назад командиром. Страшно подумать, если однажды ему под сапог подвернется яблочный огрызок или шкурка от сала – молодого обережника нельзя было назвать замухрышкой, однако под начальственными телесами

он скрылся бы с головой и, пожалуй, раскинутыми в стороны руками. За спиной же господина Хорва стоял хлипкий столик для курьерских бумаг, чьи перспективы от столкновения выглядели еще плачевнее.

Мощное телосложение главы имело как плюсы, так и минусы – при задержании преступников методом внезапного броска об «оказании сопротивления» не шло и речи, однако, если те не цепенели от страха, догнать их не представлялось возможным.

– Недавно ко мне приходил Опарыш… – многозначительно начал Хорв, поглядывая, проникся ли парень громадной ценностью этого сообщения.

– О! – как можно выразительнее поддакнул Джай, словно главу обережи почтил своим визитом сам Иггр, а не профессиональный нищий, чье меткое прозвище напрочь вытеснило настоящее имя из памяти даже самого Опарыша. – И?..

Довольный начальник качнулся особенно виртуозно и продолжил:

– Он сообщил мне, что видел, как трое местных охотников загнали четвертого – горца… Ну знаешь, такого, с косой, в бабской рубашке…

– Да, господин Хорв, – устало подтвердил Джай. Денек в его клине[13] выдался хлопотный: целый семерик уличных

[13] В каждом городе Царствия Иггрова имеется семь главных прямых улиц, сходящихся к площади, как ступицы в колесе. В Орите за каждым клином закреплено два семерика обережи – ночной и дневной; соответственно чем ближе к окраинам, тем реже их там можно встретить. Да и в центре частенько не дозовешься.

краж, два убийства и покушение, причем на самого обережника, от загнанного в угол вора. А тут еще этот праздник Вознесения Невесты, чтоб ее Иггр побрал (причем самым развратным способом!), в который город и так напоминает бурлящий котел. – Я прекрасно знаю, как выглядят «сороки».

– Жители гор, – с нажимом поправил глава. – «Двуединый равно взирает на всех своих чад…»

Хорв сделал паузу, и Джай со вздохом продолжил цитату из Божественного Устава:

– «…и посему негоже им взирать друг на друга иначе». – Только «сорока», она «сорока» и есть. Пестрая, вертлявая, крикливая и вороватая. – Так что там с этим… горным жителем?

Глава обережи наконец сел и начал копаться в бумагах. Как вскоре выяснилось, целью его поисков был вовсе не донос Опарыша, а собранный любимой супругой мешочек, из которого Хорв добыл сморщенное яблоко и черствый даже на вид бутерброд.

– Похоже, те трое ему угрожали, и этот кретин прыгнул в воду. – Начальник взирал на иноземцев, как заповедано, но с тем же усердием претворял в жизнь следующую строку Устава: «А единственным мерилом людей служат их деяния».

Джай присвистнул. Обычно горожане кидали в канал то, что выплывшим видеть не желали.

– Вот именно. – Хорв скрипнул зубами о бутерброд, поморщился, отложил его на край стола и занялся яблоком. – Обережник у ворот вспомнил горца с корлиссом и его грамоту, вроде бы настоящую, но без оритской печати. А глава гильдии охотников утверждает, что на этом семерике никому ее не ставил. Улавливаешь?

– А то, – вздохнул парень. – «Соро»… Чужак решил уклониться от налога, а местные его выследили и такого наобещали, что он предпочел утопиться. Или принял Дах'Тоор за обычную реку и понадеялся его переплыть.

– Верно. Вот и действуй.

– Вообще-то моя смена уже… – рискнул напомнить Джай, но начальник откровенно проигнорировал позорное малодушие подчиненного. Какие могут быть смены, если город тонет в пучине преступности, и доблестная обережь должна не покладая рук тащить его обратно?! Тем более что среди «дневных» Джай оказался единственным неженатым, бездетным и не обремененным чахлой матерью-старушкой, которая выплакала все глаза, ожидая единственного сына с тяжелой и опасной работы (когда напарник Джая рассказывал Хорву эту душещипательную историю, удержаться от слез не смогли даже видевшие означенную старушку – причем отнюдь не на смертном ложе, а в рыночных рядах, где она исключительно для развлечения, чтобы было с кем поточить лясы и полаяться, торговала карамельными орехами).

– Так мне организовать поиски горца, его трупа или пред-

полагаемых убийц? – упавшим голосом уточнил парень.

– Предполагаемого трупа… – Успевший задуматься о чем-то другом начальник тряхнул головой и поправился: – То есть кого-нибудь из трех, а уж в застенках разберутся. Кстати, корлисса утопшего, то есть без вести пропавшего в канале горца, твой напарник уже нашел и привел, можешь забрать.

– Зачем?

– Затем, что перед нашей дверью он уж точно ни к чему, – резонно заметил Хорв, выкидывая огрызок в окно. Под ним кто-то сдавленно ругнулся, но заявить более решительный протест не посмел.

– А мне что с ним делать?

– Подшей к делу, – ехидно фыркнул глава. – Ну подари кому-нибудь или продай. Будет тебе вместо сверхурочных.

– Вместо?! – попытался возмутиться обережник, но начальник уже махнул ему на дверь и подчеркнуто углубился в первую попавшуюся бумагу. На премиальные Хорв был скуп, как йер в едальне, зато позволял и даже поощрял полулегальные заработки вроде наследства покойного «сороки». Денег на содержание городской обережи власти выделяли мало, и глава предпочитал тратить их на хорошее оружие и осведомителей, справедливо полагая, что если бандиты будут бояться обережников, а не наоборот, то с голоду те не помрут.

По пути через участок и двор Джай перебрал в уме друзей,

мечтающих получить в подарок взрослого самца-корлисса (точнее, констатировал отсутствие таковых), затем врагов (но настолько жгучей ненависти он ни к кому не питал) и, наконец, вспомнил о скупщике краденого, чью лавку обережь не прикрывала из корыстных соображений: там можно было продать и купить абсолютно все. Даже если вам понадобился ночной горшок Приближенного, а от тестя, напротив, хотите избавиться. Другое дело, сколько ее владелец брал за посредничество… Может, удастся сплавить туда и корлисса? В последнее время у богачей пошла мода на цепных кошек, Хромой Крыс наверняка найдет кому его предложить…

Напарника, разумеется, уже и след простыл. Выслужился с поимкой корлисса, сдал дела и поскорее смылся, пока его не успели припрячь по новой. Джай занимал должность семерного и мог не только упрашивать соратников, но и приказывать им (что, правда, делал редко и с большой неохотой, обычно они работали одной дружной командой). Увы, для этого их сначала надо было отловить, а уже заступившая на посты ночная смена для подсобных работ не годилась – у них был свой старшой.

Охотничий кошак смирно сидел на привязи у каменного столбика, с надеждой вглядываясь в проходящих мимо людей. Здоровенная, мордатая зверюга, в холке чуть ли не по пояс человеку. Крысу небось одним взмахом хвоста прихлопнет!

С домашними усатыми-полосатыми Джай не шибко ла-

дил, а посему приблизился к кошаку с немалой опаской, на всякий случай наметив пути к быстрому отступлению. Однако корлисс почти не обратил на человека внимания, а когда тот отвязал поводок, кротко встал и поплелся за новым хозяином.

Первую сотню шагов обережник не спускал со зверя глаз, вздрагивая от каждого шевеления усов, потом только изредка посматривал, а там и вовсе забыл, погрузившись в раздумья.

Конечно, для очистки совести можно нанять ребят и пошуровать в канале баграми, но шансы что-либо выловить нулевые. Хотя однажды таким способом труп все-таки нашли – пусть не тот, зато совершенно свежий, буквально пять минут назад брошенный в воду выше по течению; схваченные уже к вечеру преступники были так изумлены, что даже не стали отпираться.

Пожалуй, проще разыскать тех трех охотников. Хорошенько припугнуть, намекнуть, что у него имеется свидетель их Иггронеугодного деяния (хотя затащить Опарыша в здание суда удастся разве что на веревке, и то он вовсю будет изображать глухонемого и припадочного) – признаются, как миленькие, и без трупа. Вряд ли судья будет к ним слишком суров: чужак, горец, да еще и жулик (впрочем, это равнозначные понятия). Может, даже штрафом отделаются.

Наметив план действий, Джай почувствовал себя куда увереннее и, расправив плечи, вразвалочку – для солидно-

сти – двинулся к дому знакомого охотника.

* * *

Канальный журавль протестующе заскрипел и выгнулся коромыслом, как его болотный собрат, принявший за лягушку кончик хвоста дремлющей в тине крары[14]. Натянувшаяся цепь зазвенела от отчаянных рывков, ЭрТар перевалился через низкий парапет и плюхнулся в невысыхающую лужу под журавлем – грязную, зато упоительно теплую. Горца так колотило, что он даже не пытался встать, изо всех сил цепляясь за ускользающее сознание, упустить которое нельзя было ни в коем случае. Выбраться из бездонного потока и захлебнуться в луже – такой дурацкой смерти врагу не пожелаешь!

Немного отпустило. Парень перевернулся на спину, хватая ртом воздух и только что не помогая себе горстями. Ни рук, ни ног он не чувствовал, но хотя бы их видел, как и чудом уцелевший на предплечье мыслестрел. Благословен будь неизвестный вредитель, отломавший у журавля противовес, из-за чего тот свесил крюк с ведром до самой воды!

Из соседнего дома вышла тощая тетка с двумя бадейками, брезгливо покосилась на отмокающего в луже «пьянчугу» и, обойдя его по широкой дуге, направилась к соседнему журавлю. ЭрТару объятия лужи уже тоже не казались столь

---

[14] крупная хищная рептилия

нежными – солнце окончательно скрылось за горизонтом, и холод подземной реки начал потихоньку просачиваться наружу.

Грязь разочарованно чмокнула на прощание. Горец поскорее ухватился за стояк журавля, сдуру глянул вниз, на разочарованно ревущий поток, и чуть было снова туда не ухнул. Зато давешняя лепешка на месте не усидела – вместе с добрым жбаном воды. Нет, так дело не пойдет! Надо срочно плестись к какой-нибудь знающей бабке с припарками-растираниями или в храм к йерам. Те, конечно, помогут ему быстрее и качественнее, к тому же без лишних вопросов (Иггр и так все знает, а его слуги якобы отринули суетное любопытство), но потребуют отплатить добром за добро, и желательно вперед – или хотя бы показать, что твой браслет полон. Оритских же знахарок ЭрТар, разумеется, не знал, да и вряд ли те окажутся более милосердны – особенно учитывая, как он сейчас выглядит.

Но подыхать от холода под чьим-нибудь забором горец тоже не собирался, как и полагаться на внезапную щедрость Светлого. Оставалось только одно, проверенное веками средство.

Первый семерик шагов дался через скрежет зубовный, второй – просто с трудом, зато примерно на третьей сотне с парня капала уже не только вода, но и пот. Что думают о носящемся туда-сюда вдоль канала человеке жители окрестных домов, охотника мало волновало. Жизнь важнее репутации.

Остановился он, лишь когда разгорячившееся сердце изъявило желание выскочить из груди и побегать с ним наперегонки.

Умирать расхотелось совершенно, парня охватило лихорадочное возбуждение, которое, как он знал по опыту, через пару часов сменится полным упадком сил. А посему к этому времени необходимо отыскать местечко, куда падать, и желательно помягче.

Во-первых, надо найти Тишша. Кошак у него покладистый, пойдет за кем угодно и будет добросовестно выполнять любые команды – пока не увидит настоящего хозяина. Раз ЭрТар поручил ему пасти главу гильдии, то кис, скорее всего, за ним и увязался. Во-вторых, – горец плутовато ухмыльнулся – можно заодно попробовать разыграть краснорубашечника, прикинувшись моруном. Правда, те обычно деньгами не берут, но если глава снова успел насквашиться, то дело должно выгореть.

Горец критически оглядел себя с ног до груди. Для морына видок в самый раз, но в том-то и беда – по городу он так далеко не уйдет. Народ нынче пуганый пошел, сначала камнями швыряется, а потом уж присматривается, живой был или нет…

Вернувшись к журавлю, ЭрТар заставил его клюнуть воду и подтянул к себе наполненное до краев ведро. Тоскливо в него поглядел, занес над головой, зажмурился и подумал, что если не умрет сейчас, то будет жить вечно.

Большая часть грязи вернулась в лужу, меньшая осталась хлюпать в сапогах. Горец трясущимися руками выжал айсту со штанами и надел обратно, с трудом разобравшись, что из этих серых половых тряпок что. Второй пробежки было не миновать, но оно даже к лучшему – и одежда быстрее высохнет, и до площади скорее доберешься.

Кстати, а где она? То уйти от нее не мог, все дороги туда выводили, а когда действительно понадобилась, даже спросить не у кого, Иггр их всех побери…

Двуединый, похоже, сегодня только тем и занимался, что пытался обратить ЭрТара в свою веру. Над городом поплыл тягучий звон медного гонга[15], и над каменными столбиками вдоль домов заплескались огни Иггра (в просторечье «божьи рожки») – два языка пламени, синий и красный, сквозь которые можно было безбоязненно пронести руку, попеременно ощутив жар и холод. Тьму они разгоняли неважно, но, по крайней мере, намечали контуры улиц, а Двуединому в такие вот безоблачные ночи открывался чудный вид на рассыпанные во мраке огненные снежинки городов – чтобы знал, куда ниспосылать свою благодать.

Увы, горец в который раз счел усилия божества простым совпадением и уверенно почесал на звук гонга.

Иггр не на шутку обиделся и сменил нахально обглоданный пряник на свой пресловутый кнут.

---

[15] На восточной стене Иггровых храмов висит бронзовый гонг, на западной – медный. Удар в первый знаменует приход дня, во второй – ночи.

Конечно, бегать по городу не запрещено, но и одобрения властей это невинное занятие почему-то не вызывает. Именно поэтому, услышав впереди самоуверенный, громкий и размеренный топот подкованных сапог, горец на всякий случай свернул за угол, пропуская ненужного свидетеля.

Действительно, обережник. Мостовую, беззаботно посвистывая, пересекал белобрысый увалистый парень примерно одного возраста и роста с ЭрТаром. На правой руке обережника посверкивал идеально начищенный мыслестрел, к услугам левой из-за пояса торчала рукоять плети. Скрещенные за спиной фьеты рожками выступали над плечами, придавая тени гротескный вид.

На поводке оритский страж вел покорно переставляющего лапы Тишша.

ЭрТар поднял глаза к кусочку звездного неба в просвете между крышами, поделившись с ним красочным предположением об интимных взаимоотношениях Темного и Светлого Иггра. Горцы вообще не шибко уважали Двуединого, предпочитая ему древних радков[16] и гадков[17]. Да и к тем относились скорее по-дружески.

Попадаться в лапы обережникам нельзя ни в коем случае, они слупят с незадачливого охотника вдвойне – чтобы хватило и гильдии и им за усердие. ЭрТар, нервно покусывая губу, огляделся в поисках озарения, и оное милостиво яви-

---

[16] благожелательно настроенные духи (гор.)

[17] духи-пакостники (гор.)

лось своему верному почитателю: между домами, на протянутой из окна в окно веревке шевелила рукавами на ветру белоснежная стая рубашек, возглавляемая ярким женским халатом.

Взобраться к ним по водосточной трубе для горца было минутным делом.

* * *

– О, великомудрый сын итыллы[18]!

– Чего? – Джай растерянно уставился на выскочившего, казалось, из-под земли и тут же павшего ниц человека в белом тюрбане. Полы длинного широкого одеяния павлиньим хвостом расцветили мостовую.

– Это ест' такой священный жывотный, – пояснило дивное существо, так истово отбивая поклоны, словно на сапогах обережника было намалевано по Иггрову лику. – Вэс' наш плэмя каждый день поминат' его в беседа и приносыт' дары пища. Но да пребудет с ним миласт' Иггр, а я быть смиренно малит' тебя ответ на вопрос: где ты взят' этот кошка, э?

– Ну вообще-то… да кто ты такой? – спохватился обережник, наконец вспомнив о своей суровой должности. Корлисс, ошарашенный не меньше него, одновременно шипел и тянулся к незнакомцу, жадно поводя носом. Джай на всякий

---

[18] помойная крыса (гор.). Также широко используется как ругательство

случай покрепче перехватил поводок.

– Э-э-э! – просиял челобитец, в знак дружбы по обычаю «сорок» прижимая правую руку к груди. – Слюшай сюда, дарагой, сейчас я все тэбэ сказат'!!!

…Уже на пятом предложении Джай напрочь потерялся в потоке изливаемых на него стенаний, подробных биографий, кажется, всех жителей Хэллийских гор и жалоб на непутевого родственника, сквозь которые с трудом пробивалась суть рассказа: два брата-горца договорились встретиться вечером «на балшой-балшой каменный место» (обережник снисходительно ухмыльнулся, прощая диким людям незнание равнинного наречия и, похоже, самого понятия «площадь»), однако один из них туда почему-то не явился (Джай сочувственно покачал головой, но ничего говорить пока не стал – а вдруг и впрямь всплывет, то есть найдется!), и второй, охваченный «балшой-балшой тревога», отправился искать его по «балшой-балшой шиул[19]», пока не «увидэт' в рука балшой-балшой воин кошка брат и узнат' его».

Кошак, кстати, вроде бы определился и, радостно урча, рвался к горцу, который от рассказа уже перешел к цветастым благодарностями за «находка глюпый животный» и обещаниям «отдат' брат, как тол'ка встрэтыт».

Джай, в последнюю секунду опомнившись, отдернул машинально протянутую руку с поводком.

– Ну… вообще-то… понимаете, это вещественное дока-

---

[19] селище горцев

зательство… – Сердце у парня было доброе, но уже через месяц службы в обережи покрылось кольчугой здорового скептицизма, а спустя год к ней добавилось профессиональное чутье на ложь, которое в данный момент подавало явственные, хоть и маловразумительные знаки.

– Хэй-най, я заплатыт' тэбэ за стараный! – оскорбленно вскинулся горец, схватился за широкий рукав и горестно охнул: – Пазор на мой голова, забыт' браслет дома! Но ты ведь знат' лавка мой дядя, «Тры горскый лэпешка», да? Хады утрам к нэму, я там жыть! Ты нэ думай, я нэ обманывай – сначала дэнга, потом кошка! Можэт, сам брат прийти, он тэбэ и платы…

Пожилого ловкача ВадНэса, стараниями которого у оритских живодеров не было проблем со сбытом падали, Джай действительно знал, и родни у оного водилось больше, чем он сам мог упомнить (а у какого горца ее нет)?! Тащить кошака через полгорода к Хромому Крысу или вести к себе домой обережнику совершенно не хотелось – лучше сбагрить его с рук сейчас, а за бусами зайти утром… и порадоваться такому раскладу, если бы не гаденькое ощущение, что собеседник на это и рассчитывает.

– Не придет, – решившись, брякнул парень. – Утоп ваш брат в канале, только кошка… (Джай для верности наклонился и заглянул корлиссу под хвост), то есть кошак, и остался.

– О горэ, горэ! – пуще прежнего возопил странный про-

ситель, для вящего эффекта сгребая с мостовой горсть пыли и тонкой струйкой высыпая себе на макушку. – Что я сказат' наш бедный мат'?! Как показаться на могила отэц?! Добрый чэловэк!!!

Горец подполз поближе и, вцепившись в широкую обережную штанину, начал не то целовать ее край, не то зычно в него сморкаться.

– Нэт брат, нэт и кошка, беры его сэбэ! А за это давай поехат с мой малэнки-малэнки сэмья – жэна, мать жэна, три сэстра и семеро детей – в наш шиул и рассказать всем о последний час бэдный ЭрТар?! Слюшай, дарагой гост будэш – в любом дом плакай гор'ка, скваш тэбэ наливай, булка с маком корми!

– Балшой-балшой? – скептически уточнил Джай, наконец сообразив, что его смущает в горце.

– Самый-самый! – заверил тот. – Э-э-э-э… что ты так на мэна смотри?

– От тебя тиной пахнет, – ледяным тоном отчеканил обережник. – Ку-у-уда?! А ну, стоять! Стой, «сорока» паршивая, не то стрелять буду!

Слова у Джая обычно не расходились с делом, тем более что обычно после них преступники решали, что терять уже нечего, и начинали сами палить почем зря. Поэтому так и не поднятый мыслестрел целиком лег на совесть Тишша, который, увидев, что обожаемый хозяин снова куда-то драпает, с душераздирающим мявом кинулся вдогонку.

Обережника сдернуло с места, как двуколку за подхлестнутым ящерком. Поводок врезался в запястье, затянувшись на нем мертвым узлом и окончательно лишив возможности воспользоваться висящим на той же руке мыслестрелом.

Честно говоря, у Джая не было ни малейшего желания преследовать дурноватого горца: тот мчался, как ошпаренный козел, только что не отталкиваясь ногами от стен в особо узких проулках, а самое большее, что ему грозило, – штраф в два серебряных браслета или месяц исправительных работ по очистке сточных канав. Убедившись, что поводок ему не распутать, парень попытался затормозить пятками, опрокинулся на бок и позорно поволокся за кошаком. Тот убавил прыти, но остановиться и не подумал. Обережник браво пробороздил лужу, честно поделил между двумя крысами кучку картофельных очистков, скользнул по чему-то мягкому и охотно размазавшемуся, после чего, окончательно озверев, подтянулся на поводке и наконец содрал его с руки.

Кошак радостно поддал жару. Обережник неуклюже вскочил, тряся ноющей рукой и озираясь. Мягкое и липкое оказалось всего лишь гнилым овощем, в такой тьме малопригодным для опознания: на площади в ночь Вознесения Невесты «божьи рожки» не горели. Это отпугивало любопытных лучше приказов, угроз и обережи, ибо означало, что на брачное ложе будет восходить не только Светлый (которому и так свечку держать не надо), но и Темный (предпочитающий вершить свои дела во мраке), связываться с которым не хоте-

лось никому. Вдобавок горца угораздило выскочить на площадь как раз возле стены святилища, где народ и в ясный-то день не шибко толпился.

Джай уже навострился дать задний, и весьма быстрый ход, но напоследок глянул на свою несостоявшуюся добычу и окончательно убедился, что горцы безнадежно больные на голову, зато очень даже здоровые на все остальное. Потому что этот засранец на бегу выхватил кинжал, подпрыгнул, глубоко вонзил лезвие в забор, подтянулся, одновременно изворачиваясь всем телом, что тот корлисс, забросил ноги на край стены, потом навалился на него животом, выдернул клинок, нагло подмигнул обережнику и соскользнул во двор святилища. Только ветки по ту сторону забора затрещали. Кошак сиганул следом, без труда взяв высоту в два человеческих роста.

У парня потемнело в глазах от такого святотатства. Не то чтобы он был особо ревностным иггрианцем – ну, жертвовал на храм положенный семерик заработка, честно выстаивал на выходных и праздничных службах, несколько раз покупал ирны, но на этом его общение с Двуединым и заканчивалось. Чем таким таинственным и запретным занимаются дхэры в своем обиталище (в народе, кстати, метко именуемом гадюшником), его совершенно не волновало.

Зато однажды ему с напарником поручили унести от этих ворот труп вора, сдуру сунувшегося в святилище. Напились потом оба вдрызг, и все равно еще неделю кошмары сни-

лись…

Лучше бы этот кретин утонул в канале.

А если дхэры узнают, что в храм его загнал он, Джай…

Обережнику стало совсем «весело».

– Эй, ты! – без особой надежды на ответ прохрипел он, так и не определившись между криком и шепотом – менее эффективным, зато куда более безопасным. – Выходи оттуда немедленно!

«Трижды ха и кабаний хвост!» – как говаривало оритское жулье, символично оттопыривая мизинцы на обеих руках (хотя два у Иггра было вроде бы только лика).

Джай тоскливо сглотнул заготовленную для плевка слюну, вытер потные ладони о штаны и, подойдя к растущему у самой стены дереву, врастопырку полез вверх между стволом и каменной кладкой.

Глава 5

…с той поры и до скончания веков Он один ниспосылает нам жизненный свет и могильную тьму, добро и зло, удачу и скорбь, награждает, искушает и карает. И нет ему равных ни в ночи, ни под солнцем, ибо сотворены они Им и Ему повинуются…
Божественный Устав

Как известно, все плохое в человеке от Темного Иггра, а хорошее – от Светлого и равно угодно Двуединому. Формально не различались и Его служители: носили одинаковые одеяния и знаки, обладали изначально равной силой Взывания (с годами и опытом она крепла) и читали одни и те же проповеди. Однако все прихожане знали, к кому лучше обратиться за ирной плодородия, а кто быстрее изведет мышей или усмирит взбунтовавшихся рабов. Но, по большому счету, все это было по плечу любому йеру.

При таком раскладе твори, казалось бы, что угодно – какой-нибудь из божьих ликов да улыбнется, да вот беда: понятия о награде у них были разные. Если последователей Светлого Иггра ждали семь лет пиров и увеселений с последующим возрождением в человеческом облике, то Темный и сам был не прочь поразвлечься с уподобившимися ему людишками, причем весьма своеобразно, а очередную жизнь им

предстояло провести в виде дикой твари вроде крысы или, того хуже, растения.

К «темным» йерам это не относилось: они и на том свете оставались верными слугами божества – кол там заточить, крючок подать, дыбу смазать, чтобы не скрипела…

Вот Приближенный Архайн и тренировался – между потолком и полом неподвижно, будто распятое на невидимой паутине, висело обнаженное мужское тело. Голова с сосульками седых волос бессильно свешивалась на грудь, живот и ноги обвивали потеки крови, медленно капавшей в лужицу на полу.

Йер бросил остывший прут поперек жаровни, отошел к столу, черканул пару строк и плеснул в стакан вина. Небольшая передышка только обостряет ощущения – как жертвы, так и экзекутора. Разумеется, трактат «О пределах выносливости тела и рассудка человеческого» вряд ли выйдет за пределы храма, однако и здесь принесет немалую пользу – на некоторых людей увещевания Светлого Иггра о праведной жизни почему-то не действовали, приходилось вразумлять их с помощью Темного.

К тому же творческий процесс всегда интереснее результата.

Посещать святилище дозволялось только Приближенным, йерам высшего храмового чина. Но если остальная шестерка заглядывала сюда только во время обрядов или по зову дхэров, то Архайн высоко ценил здешнюю тишину и уеди-

нение, обустроив себе уютную рабочую комнату, даже с диванчиком. Хозяева не возражали. Кажется, их это даже забавляло – как ужимки домашней кошки, играющей в своей корзинке с пойманной мышью.

О нет, Архайн не страдал от излишнего честолюбия. Умный кот не станет бунтовать против человеческой власти, а заодно опеки и кормежки, даже если это всего лишь огрызки с хозяйского стола.

Ему вполне достаточно быть первым среди котов.

В спину дохнуло ветром, словно незапертая дверь распахнулась от гуляющего по коридорам сквозняка. Но в святилище, казалось, даже пылинки со времен божественной битвы парили на одних и тех же местах, а нижняя петля имела обыкновение негромко поскрипывать, предупреждая йера о незваных гостях.

Зато хозяева в дверях не нуждались. В неярком свете единственной свечи, оттеняемой алым маревом жаровни, мантия дхэра казалась абсолютно черной. Морда терялась в складках капюшона – словно ее там не было вовсе, а бархатная материя облегала сгусток тьмы.

– Архайн-н-н… – свистяще дохнула она.

– Да, господин? – Йер обернулся и с тщательно отмеренным почтением склонил голову: чуть выше – оскорбить хозяина, чуть ниже – унизиться самому.

– Покой святилища оберегается твоими заботами?

– Да, господин. – Поклон поглубже, так ведь и тон опаснее.

– Почему же тогда он оказался нарушен двумя чужаками?

Архайну страшно захотелось выругаться, причем Иггровым именем; Темный бы не обиделся, но за дхэра Приближенный не ручался. Опять это семижды проклятое ворье ищет легкой поживы, позабыв о тяжкой смерти! Причем как раз когда он настроился на любимую работу, и она так хорошо пошла!

– Госп… – Йер все-таки выругался. Хозяин исчез так же бесшумно и молниеносно, как и явился, дабы ткнуть обленившегося «кота» в погрызенный мышами сыр. А, пропади оно пропадом! Все равно ночь безнадежно испорчена.

По раздраженному взмаху руки «паутина» исчезла, пытаемый кулем рухнул на камни.

– Сегодня тебе везет, раб, – отрывисто бросил Архайн, залпом допивая вино и ставя кубок на стол. Человек на полу медленно подтянул под себя колени, напряг дрожащие руки и кое-как поднялся. – Иди в святилище и отыщи проникших туда идиотов. Убей обоих. Хотя… Нет. Одного приведи живьем. Любого. Я хочу узнать, что им здесь понадобилось, кто они и как проникли в храм.

– Да, повелитель, – безжизненно подтвердил мужчина, переводя стеклянный взгляд на дверь. – Я выполню все, что вы желаете.

– Так пошел вон! – Вдогонку свистнула плеть, оставив на спине раба кровавый прочерк. Человек пошатнулся, на мгновение сбившись с шага, однако в его лице по-преж-

нему не дрогнуло ни жилки.

Архайн снова наполнил бокал, отсалютовал им висящему на стене диптиху с ликами Иггра и откинулся на спинку кресла, вытянув ноги к оставшейся не у дел жаровне. Тратить на незваных гостей больше одного взмаха плети йер счел непозволительной роскошью.

Все равно перелезть через стену святилища в обратную сторону невозможно.

* * *

Темнота внутри не шла ни в какое сравнение с темнотой снаружи. Если ночная Орита напоминала амбар с расхрабрившимися мышами, то сейчас Джай словно провалился в могильный склеп. Все городские звуки остались за стеной, обережнику удалось прихватить с собой только шарканье подошв по гравию. Как ни пытался он ступать осторожнее, камушки продолжали скрежетать друг о друга, словно ябедничая рыщущим во мраке стражам. Что они из себя представляют, Джай старался не думать – порождения Темного были многочисленны и разнообразны, а уж для своего-то святилища он не поскупится.

Горца с его кошаком они, похоже, уже сожрали.

Обережник заставил себя сосредоточиться и оценить обстановку с точки зрения стража закона, а не объятого ужасом воришки. С площади казалось, будто между святили-

щем и оградой от силы четыре семерика шагов, но на деле было раза в полтора больше. Ни собак, ни прочих сторожевых тварей, включая двуногих, двор просматривается от стены до стены. У Джая слегка отлегло от сердца, на разбитые повсюду клумбы он поглядел уже с оттенком пренебрежения: это сколько же ирн на такую ерунду ухлопали! Вместо вон того колючего куста с бледными пахучими цветами целый сад можно было осенить, не всякий богач себе такую роскошь позволит.

А еще за этой дурацкой ботвой очень удобно прятаться.

Обежать святилище и удрать через забор с другой стороны «сорока» не успевал, хоть какой шорох Джай да услышал бы. Значит, горец где-то поблизости: спрыгнул со стены, шмыгнул в ближайший куст и затаился, выжидая, что будет делать обережник.

Возле места приземления беглеца росло аж три куста, заставивших парня мрачно вспомнить игру в «кукушкины гнездышки». Ну и в какое из них сподобилась подкинуть яйцо мифическая птичка? Джаю с детства не везло в угадайку, и соответственно он терпеть ее не мог. А ведь этот гад наверняка его видит и злорадно хихикает, наблюдая за муками выбора!

Ничего не попишешь, придется обшаривать все по очереди…

* * *

ЭрТар злобно мерз за кустом (тонкий шелковый халат оказался никудышным довеском к мокрой одежде), в то же время искренне восхищаясь упорством противника. Оказывается, среди равнинников тоже встречаются достойные воины, любящие сдобрить жизнь глоточком риска! И это при их-то фанатичном преклонении перед Двуединым!

Кошак следил за опасливо приближающимся обережником, как за снующей в траве крысой. Даже хвост так же азартно извивался. Горец предусмотрительно прижал его ладонью, чтобы, не дай Темному повода, не высунулся из-за куста. А учитывая, что равнинник пер прямо на их убежище, не помешало бы предпринять что-нибудь еще.

Охотник нашарил у себя под ногами плоский камушек и, примерившись, легким движением кисти отправил его в полет.

Ушибленная веточка обиженно тряхнула листвой. Белобрысый остановился и призадумался, косясь то на облюбованный куст, то на его оклеветанного соседа. ЭрТар с трудом сдерживал смех: уж больно глупо выглядел обережник – испуганный и растерянный, но по-прежнему горящий желанием исполнить служебный долг.

Горец подобрал второй камушек, но бросать пока не стал. Эх, недооценил он равнинника – тот рассудил, что в эту иг-

ру вполне можно играть вдвоем, и, попятившись, скрылся за третьим кустом. Гадай теперь, как он будет его обходить! Если высунется слева, то окажется на одной линии с ЭрТаром, а если выждет, пока занервничавший охотник переберется на другую сторону, и выглянет справа, то опять-таки его застукает. Горцу оставалось только занять нейтральную позицию позади куста, откуда самому ЭрТару было ни Иггра не видать. К тому же теперь прямо на него пялились черные дыры окон, переплетами рам непривычно разбитых на треугольники.

Охотнику на мгновение показалось, что он снова сидит на кишащем краггами поле, только уже изъеденном ими до редких островков зелени. Ну подумаешь, святилище! Делать Иггру больше нечего, только лично спускаться к дхэрам ради бесед о вечном, когда рядом стоит храм с куда более интересной приманкой! Напустили туману, запугали народ, чтоб никто не подсматривал, как они там скваш распивают да приходские деньги делят…

И тут Тишш вздрогнул, молниеносно развернулся к стене, прижал уши и, сгорбившись, злобно и испуганно зашипел.

* * *

Если храм напоминал сдвоенную луковицу – одна макушка выкрашена в белый цвет, вторая в черный, – то семигранное святилище здорово смахивало на приземистого клопа,

затаившегося в ее тени. Здания не сообщались, хотя всегда строились в паре, а соединяла их высыпанная дробленым известняком дорожка (которую, кстати, очень любили оритские коты, за что были люто ненавидимы Внимающими).

Бегать за горцем вокруг клумбы Джай не собирался, избрав более трудоемкое, но и более перспективное решение «сорочьей» проблемы – под прикрытием кустов обойти святилище и схватить мерзавца за задницу. Глаза попривыкли к темноте, и дело вместе с обережником успешно двигалось вперед, быстро перевалив за середину. Так, еще несколько шагов – и должен открыться вид на те два куста. Джай приподнял и выставил вперед руку с мыслестрелом. Интересно, ни в одном окне ни огонечка. Что, дхэрам свет вообще не нужен, как кошкам? (Или, скорее, змеям?) Но зачем им тогда окна?

Парня снова окатило холодной, липкой волной страха. А может, ну его, этого горца, к Темному в собутыльники? Увидит, что обережник убрался, и тоже вылезет…

Джай в раздумье покосился на ограду и понял, что его предыдущие страхи были всего лишь легкой щекоткой нервов.

А «ужас» – это когда немеют ноги, останавливается сердце и прерывается дыхание, зато оживают волосы. То есть как сейчас.

С ограды беззвучно, маслянисто стекала тень, как будто сам Иггр потянул луну за веревочку, сдергивая с небес. Толь-

ко происходило это вдоль всей ограды, сужающимся кольцом затопляя двор и с задержкой сглатывая островки клумб. Запах цветов усилился, как перед грозой, а потом сменился тленом. Под кустами пошел снег из лепестков, бутоны скукоживались и отваливались целиком, листья никли, засыхая прямо на стеблях.

Ни никнуть, ни засыхать Джаю совершенно не хотелось. Как, впрочем, и вышибать локтем окно – но что поделать, если прочие части святилища, к которому он прижался спиной, оказались менее податливы, а тень уже подбиралась к носкам сапог?!

* * *

ЭрТар по-кошачьи приземлился на все четыре конечности и замер, прислушиваясь и осматриваясь. Впрочем, в зрении он быстро разочаровался – тень плотной шторой задернула за ним окно, отрезав от и без того скудного лунного света. В самом же святилище не горело ни лучинки, даже Тишшевым глазам нечего было отражать.

Кошак пощекотал хозяйское лицо усами, облизнулся и беззвучно скользнул вперед. Что ж, торчать возле разбитого окна нет смысла, да и опасно. Не говоря уж о том, что холодно.

Пол под ногами оказался неровный, как будто даже земляной, усыпанный не то опилками, не то соломенной сечкой.

Прям пещера какая-то! И плесенью со страшной силой воняет… Лично он, ЭрТар, постеснялся бы сюда гостей приглашать, тем более бога!

Интересно, а где сами хозяева? Звон стекла в такой тиши трудно не услышать, да и кромешная тьма, судя по всему, им не помеха. Может, стоят вокруг, от смеха давятся…

Парню почудились такие же крадущиеся шаги в противоположной стороне зала… а может, в соседней комнате или коридоре – сейчас он не мог поручиться даже за существование собственного носа, не говоря уж о пальцах слепо вытянутой вперед руки. Куда его занесло и, главное, вынесет ли?!

ЭрТар вздрогнул и споткнулся – по святилищу гулко разнесся характерный и совершенно неуместный звук, с которым очень большая кошка увлеченно загребает опилки.

– Тишш! – шепотом цыкнул горец. – Мне тоже страшно, но я же терплю!

– У-фрр? – обиженно отозвался кошак, продолжая пакостничество. Опилки кончились, когти начали царапать обо что-то железное, лязгающее.

– Ну что там у тебя? – заинтересовался охотник, на ощупь находя сначала корлисса, а потом предмет его раскопок. – Ого…

* * *

Когда Джаю надоело дергать за кольцо в полу, из-за которого он чуть не сломал ногу, и обережник с досадой пришлепнул его обратно к плите, что-то хрустнуло, и она сама отъехала в сторону. Сноп шибанувшего из-под нее света показался парню до того ослепительным, словно его угораздило наткнуться на скважину Иггровой шкатулки, в которой по ночам хранится солнце. Впрочем, глаза быстро опомнились и развенчали «божественный светоч» до обычного огня, а там и довольно тусклого свечения.

Устав гадать, обережник наклонился и заглянул в проем. Внизу оказался довольно широкий, шагов пять, коридор, в который стекала странного вида лестница: прямоугольный, отполированный до блеска желоб с «елочкой» набитых на дно планок. В выемках стен на разной высоте коптили обыкновенные плошки-горелки с зеленоватым маслом. Запах от него исходил скорее неприятный, но притягивающий и въедливый – им были насквозь пропитаны и храмы, и одежды йеров. Так вот где настоящий дом Иггровых Глашатаев, верхнее здание только для отвода глаз! Теперь понятно, почему никто не спешит навстречу святотатцам – отсюда их мышиная возня просто не слышна.

Обережник задумчиво почесал висок краешком мыслестрела. Сидеть на оцепленном тенью «чердаке» до утра

или появления хозяев – значит сдаться и признать свою вину. А Джай, хоть заочно и записал себя в покойники, вовсе не отказывался еще немножко пожить. В конце концов, он обережник, а не грабитель! Вдруг у дхэров тоже бывает хорошее настроение, и он отделается каким-нибудь заиканием или чирьями? А может, Иггра встретит и сам все ему объяснит… Джай невесело усмехнулся. Как же. Светлый еще до его рождения дал понять, что не желает иметь с ним никаких дел, – а Темный, напротив, не устраивал Джая. Так что выгоднее всего найти запасной выход и тактично через него смыться.

Попытавшись и так и эдак, обережник по-простому сел на задницу и заскользил вниз, придерживаясь за края желоба и часто перебирая ногами. Интересно, йеры тоже так корячатся? Или какими-нибудь посохами вместо хвостов упираются?

Дверей и ответвлений в стенах коридора не было, так что выбор обережнику предстоял невеликий: вперед или назад. Назад почему-то не хотелось, и Джай обреченно, как на заклание, двинулся в путь. Под ногами мягко пружинили все те же опилки; хорошо хоть утоптанные, не шуршат.

Шагов через сорок коридор резко свернул влево, потом вправо, и так несколько раз, безо всякого, с точки зрения Джая, смысла. Лично ему это только добавило хлопот – приходилось на цыпочках подкрадываться к каждому углу, осторожно выглядывать, восстанавливать напрасно затаен-

ное дыхание… и в конце концов это окупилось сполна.

За очередным поворотом обережнику открылся зал – небольшой, освещенный чуть поярче и, главное, обитаемый. Пол в центре вздувался высоким, в человеческий рост, конусом со срезанной макушкой, где смоляной статуей застыл дхэр. Джай даже не сразу его разглядел, приняв за одну из причудливо переплетшихся теней. И лишь когда тот повернул морду на шум шагов – к счастью, не Джаевых – обережник чуть не ойкнул от неожиданности.

Из соседнего коридора (а их сюда стекалось семь штук, Иггрово число) медленно и торжественно выступили два йера в темно-синих одеяниях Приближенных. Между ними, деревянно, словно во сне, переставляя ноги, шла обнаженная девушка. Золотые кудри водопадом струились по спине, плечам и высокой груди, кончиками щекоча талию.

У возвышения йеры остановились. Девушка начала подниматься, развернувшись к Джаю лицом. Темная повязка скрывала глаза – но не маленький тонкий носик, упрямый и одновременно изящный подбородок, милые ямочки на щеках, приоткрытые в предвкушении губы…

Обережник прикусил край рукава, сдерживая крик.

Уланна. Драчливая девчонка из соседского дома, конопатый подросток с вечно исцарапанными локтями, неприступная красавица-мечта, любовница какого-то знатного богача – сначала тайная, а потом брошенная…

Иггрова Невеста.

Что она делает в святилище, когда ей полагается молиться в храме в ожидании супруга?!

…Зимой в центральном оритском храме, как и по всему Царствию Иггрову, проводились Смотрины – главный ежегодный праздник, на котором дхэры отбирали восемь женщин, дабы потом в начале каждого месяца по одной сочетать их узами брака с самым завидным женихом Царствия – самим Двуединым.

На руку божества могла претендовать любая незамужняя женщина, включая вдов, старух, нищенок и блудниц. Порой Двуединый (видимо, для разнообразия) снисходил до таких уродин, что их пугались даже собаки, не говоря уж о прочих женихах. Единственным условием было согласие невесты, что она подтверждала дважды – во время Смотрин и самой свадьбы. Если божья избранница в последний момент трусила и требовала разрыва помолвки, ее не неволили, да и другие желающие тут же находились, однако «изменница» покрывала себя несмываемым позором: семьи женщин получали хорошее приданое, к тому же числиться в свояках у бога было очень почетно.

После торжественного шествия по городу и венчания со статуей Иггра новобрачную оставляли одну в пустом храме, поутру находя там только сброшенные ею одеяния. Подсматривать за интимной жизнью бога считалось кощунством, поэтому двери на ночь опечатывали, а утром торжественно взламывали, предъявляя толпе кружевные сви-

детельства божественного вмешательства (которые чуть попозже можно было купить на талисманы незамужним девицам)…

…Как она сюда попала?! И зачем?!! И…

Из рукава вынырнула когтистая семипалая лапа, привлекая невесту к Глашатаю. Да девушка и сама с готовностью приникла к нему всем телом…

…не подозревая, что в следующий миг капюшон склонится к ложбинке меж ее ключиц, стройные ноги подломятся, а спустя несколько минут на землю сухо упадет обтянутый кожей костяк, как оболочка высосанной пауком мухи.

На вознесение в Иггровы чертоги это походило меньше всего. Разве что в переносном смысле.

И уж тем более ясно, что ни Уланна, ни Джай, три месяца назад мрачно отметивший с друзьями ее «удачу», согласия на такое не давали.

Говорят, что дхэры неуязвимы для оружия – тем более мыслестрелов, работающих только благодаря ирнам. К тому же Джай своими глазами видел, как пальнувший в Глашатая безумец (дело было пару лет назад, в этом же храме, во время ежемесячного объявления Иггровой воли), не успев даже опустить руку, почернел и захлебнулся хлынувшей горлом кровью. Дхэр же едва пошатнулся, довел речь до конца и без спешки удалился обратно в святилище.

Но, увы, это было единственное, что Джай мог сделать для своей первой юношеской любви. И цена его не остано-

вила.

Вот только стрелок на сей раз было две.

И вторая – красная.

* * *

Вот гадство, так они еще и людей жрут?! На тебе на закуску!

Вылетевшая из коридора с другой стороны зала стрелка попала дхэру в голову. ЭрТар по охотничьей привычке бил ниже, в грудь. Сочно, двукратно хрупнуло, дхэр, сначала издавший что-то вроде издевательского смешка, попятился, споткнулся, скатился по ступеням и в корчах забился у ног служителей. Капюшон свалился за плечи, открывая клином вытянутую вперед башку, лупатую, гладкую и блестящую, как у крагги-переростка. Под задранной мантией мелькало светлое брюхо с недоразвитыми, прижатыми к нему лапками, хвост извивался перерубленным лопатой червяком.

Йеры оцепенели, не в силах отвести глаз от издыхающего Глашатая. Охотник позволить себе такую роскошь не мог и, развернувшись, на цыпочках посеменил обратно, ибо ничто так не располагает к погоне, как удаляющийся топот ног.

Шагов тридцать он выиграл, поддав жару только после исступленного, сотрясшего святилище вопля – причем накатившего как будто не сзади, а сверху.

У ЭрТара мелькнуло нехорошее подозрение, что Иггру,

наверное, просто нравится смотреть на бегающих горцев, вот он и гоняет их туда-сюда!

Кишкообразный коридор, по которому он крался минут пять, на сей раз отнял считаные секунды. Охотник промчался мимо лестничного желоба и с досадой понял, что, не промахнись он тогда с выбором направления, уже давно был бы если не на воле, то в более подходящем для человека месте: дальнейший тоннель хоть и растраивался, зато правый отвилок вел вверх, а на опилках виднелись многочисленные отпечатки йеровых сапог. Опередивший хозяина корлисс топтался там же, пока не убедился, что ЭрТар следует за ним, после чего снова рванул вперед.

* * *

Обережник без колебаний свернул влево – из двух других, уходящих во тьму коридоров, хищно разило тем же плесневым смрадом, что и в наземном святилище. Либо йеры заготовили какую-нибудь пакость впереди, либо слухи о их всемогуществе были сильно преувеличены, но шагов за спиной Джай до сих пор не слышал, и эта издевательская тишина гнала его вперед успешнее бешеной собаки. Он даже не успел затормозить перед замыкающей коридор дверью – только развернулся, врезавшись в нее не носом, а боком. Трясущимися руками отодвинул засов, распахнул – и увидел гробоподобный, смутно знакомый закуток три на три шага,

сплошь обшитый досками.

Взвыть от разочарования Джай не успел, разглядев, что часть противоположной стены – раздвигающиеся гармошками двери. Обережник нащупал выемки для пальцев, рванул в стороны и очутился… в храме.

Все тут же стало на свои места. «Гроб» – ирница для знатных горожан, их в храме несколько штук, раскиданных по разным углам, чтобы из соседних клетушек нельзя было подслушать, о чем молящий уговаривается с божьим посредником. Джаю пару раз доводилось сопровождать к ней Хорва, но с этой стороны он в нее никогда не попадал, да и понятия не имел, что там есть вторая дверь.

С потолка ласково улыбался и злорадно ухмылялся Иггр, намалеванный в виде двух стоящих спиной к спине человек, отбрасывающих одну тень. С рук Светлого взлетала стая белых птиц, на серповидные когти Темного было нанизано по корчащемуся злодею. На стенах висели иконы поменьше, перед которыми мирно бодали воздух «божьи рожки». В центре зала, как и положено, лежала одежда злосчастной Уланны. Завтра глупенькие девчонки будут толпиться вокруг, благоговейно скрещивать руки и исподтишка пихать соперниц локтями, пытаясь хоть кончиком пальца дотронуться до «счастливого» платья невесты, не догадываясь, что ей уготовано не вечное блаженство, а свалка скопившихся за века костей, как в дальнем углу лисьей норы…

Из соседней ирницы бочком выбрался горец, заметил обе-

режника, широко ухмыльнулся и взмахнул рукой, но Джай лишь скользнул по нему взглядом и отвернулся. Он уже не испытывал почти никаких чувств: устал как злиться, так и бояться. Привычный мир рухнул – еще в святилище, при виде умирающей в дхэровых лапах подруги, и сейчас парню больше всего хотелось даже не спасти свою шкуру, а глотнуть свежего, не отравленного дымом и плесенью воздуха.

Двери-то опечатаны, а вот окна – парень глянул вверх – заперты изнутри на простые щеколды. Обережник деловито, как при штурме дома, ухватил ближайшую скамью (освященную! резную! из мореного дуба!) за край и поволок к окну, как простую едальную лавку. Примерился – нет, еще штуки три надо. Развернулся – и нос к носу столкнулся с горцем, тоже не сидевшим сложа руки.

После туповатой паузы Джай молча выдернул у него вторую скамью, кивком отправив за следующей. Дымчатый кошак с ходу вспрыгнул на подоконник, робко поскреб лапой витражное матовое стекло и с надеждой оглянулся на людей. Вот бы цопнуть тебя за хвост и подтянуться, как по веревке…

По шее мазнуло легоньким сквознячком, но бывалому обережнику хватило даже такой малости, чтобы поспешно обернуться.

Дверцы третьей ирницы были распахнуты, и от них, по спинкам скамей как по ровной тропке, беззвучно мчался

к Джаю совершенно голый мужчина.

Сбитый с толку парень так и застыл в обнимку с поднятой на дыбы скамьей. Это еще что за Иггров недоделок?! Седые, лохмами развевающиеся волосы, бледное лицо с черными провалами глаз, неплотно стиснутые кулаки чуть отведены в стороны и назад, словно в них зажаты рукояти фьет…

– На пол, дурак!!! – Вопль горца полоснул обережника почище Иггровой плети. Кошак шипел с подоконника, как лепешка в кипящем жиру. Джай непонимающе глянул под ноги и завязавшейся в узел селезенкой понял, что сам готов взбежать по отвесной стене не то что до окна – до потолка!

Потому что у струящихся за безумцем теней клинки были.

Мужчина молниеносно обернулся на голос, едва различимый блик скользнул через весь зал, на какой-то шаг разминувшись с горцем, успевшим кувыркнуться и залечь за скамьей. Один из Иггровых светильников разлетелся вдребезги, сдвоенный огонек остался висеть на прежнем месте, медленно тускнея и уменьшаясь.

Джай крутанулся вокруг скамьи, толкнул ее на убийцу, отскочил назад и вскинул руку с мыслестрелом. Вот зараза, нарвались-таки на йера! Хотя… обережнику по должности положено знать всех Взывающих в лицо, и этого среди них не было. Может, из новеньких, только после Приобщения[20]? По возрасту не тянет, перестарок…

---

[20] Пройдя церемонию Приобщения, Внимающий становится Взывающим и получает право носить символ Иггра – освященный им хлыст

Половинки скамьи грохнули об пол, тоненько зазвенела упавшая рядом стрелка – седой поймал ее даже не глядя, тут же выронив. От второй, третьей и четвертой он попросту уклонился – едва ли не раньше, чем Джай их выпустил.

Обережь заряжала оружие перед заступлением на дежурство, под расписку получая стрелки у Хорва, а поскольку за день парень успел поистратиться, пятой не последовало. Пятиться обережнику было уже некуда, а судя по нечеловеческой реакции противника, из угла тот его не выпустит.

– Хэй-най, а со мной так играй, э? – перебил предсмертные мысли Джая звонкий, задорный горский говорок.

От обережника йера отделяло каких-то три шага. Правильнее было покончить сначала с ним, но аргумент на четырнадцать дул оказался весомее.

Все повторилось заново: первая на пол, вторая-третья мимо, замах тенью…

Горец виновато ухмыльнулся, пожал плечами и почти в упор разрядил в противника… все дула одновременно.

Ничего себе, горский бродяга! Джай о таком оружии знал только понаслышке, причем был уверен, что это пустой треп: в обережных, лучших в Орите мыслестрелах, пружины и то спускались поочередно, с секундными промежутками.

Охотничьими стрелками человека убить сложно – разве что попадешь в глаз или точно в сердце. Йер – или кем бы он ни был – прянул влево, одновременно разворачиваясь боком, чтобы пропустить мимо если не весь рой, то хотя бы

половину. Так оно и вышло: в нарочно подставленное плечо кучно воткнулись всего четыре стрелки.

Три красных и одна синяя.

«Четыре семерика плетей и два года каторги за нелегальное хранение», – машинально отметил Джай. Перевел глаза на лицо убитого, но еще не знающего об этом человека и отчетливо понял: тот успеет его прикончить. А потом с разворота располовинит, как скамейку, зарвавшегося, слишком близко подскочившего «сороку»…

Кошак неистово заскребся в окно обеими лапами, и старая щеколда не откинулась – вылетела вместе с гвоздями. Створки тут же распахнулись внутрь, сбросив корлисса, и бешено, как крылья попавшей в силок птицы, заколотили по стенам, роняя разноцветные перья осколков. Запах грозы мокрым душистым веником размел по углам дым курительниц, на пол сыпанули дождевые капли, и Иггровы огни потускнели рядом с красноватым, робко вползшим в окно свечением.

Удара Джай так и не дождался.

Мужчина поднял лицо к свету, упал на колени и, бессильно царапая воздух скрюченными пальцами, зашелся в надрывном, не то отчаянном, не то ликующем крике, переходящем в звериный вой.

Из хода в подземелье потянуло уже не сквозняком – ураганом. Воздушный поток ударил безумца в грудь и… развеял в мелкую серую пыль, заволокшую храм под самые маковки.

Три минуты Джай был близок к тому, чтобы самому завыть и свихнуться, а потом о него споткнулся горец, нечаянно треснув обережника мыслестрелом по уху. Ничто так не поднимает боевой дух, как взаимная ругань, и две последние скамейки будто сами собой вспорхнули к окну, а по ним, подсаживая и подтягивая друг друга, вскарабкались парни.

Снаружи неистовствовала буря. Косой дождь ломился в крыши, из желобов хлестало через край, водосточные трубы гудели, подобно храмовому органу. Вышли из берегов даже сточные канавы. Одуревшие от страха крысы с писком пересекали пенящиеся лужи, карабкались по стволам и стенам, а поток уже нес темные всклокоченные трупики. Ветер яростно трепал деревья за гривы, швыряя в небо горсти мокрой листвы. Землю устилали отломанные ветки, а уцелевшие испуганно гнулись к земле, словно умоляя Иггра сменить гнев на милость.

С ураганом и ливнем средь ясного седьмушку часа назад неба еще можно было примириться, но Темный ими не ограничился: над городом как будто растянули меховой плащ, по изнанке которого плясали отблески чудовищного пожара – алые, желтые, малиновые, оранжевые и пронзительно-золотые. Сливаясь, они порождали багровое сияние, превратившее ночь в гнетущее подобие заката, а капли дождя – в капающую с небес кровь.

Как ни странно, кошака сбрендившая стихия ничуть не смутила. Призывно мявкнув, он выпрыгнул из окна и с

задранным хвостом понесся к ближайшему переулку. Вдохновленные его примером парни решили поберечь ноги, для начала повиснув на руках. Пяткам все равно пришлось несладко, но, по крайней мере, они не помешали беглецам без оглядки рвануть в разные стороны.

А небо в последний раз полыхнуло пурпуром и начало потихоньку угасать.

Знак был подан.

И понят.

* * *

Архайн вернулся в свою комнату только перед рассветом, накомандовавшись и наспорившись до хрипоты. Панику среди йеров, особенно младших, кое-как уняли, указания раздали, разбитые окна временно забили досками, в храме прибрались и шпионов озадачили. То бишь, сделали все, что могли, и Архайн пребывал в состоянии холодного бешенства, ибо *надо* было сделать куда больше.

Верно говорят: три мыши больше двух, но меньше одной – когда бегут в разные стороны, а бедному коту хоть ты разорвись.

Зато игрушечная мышка всегда в его распоряжении.

Йер снял с шеи кристалл на серебряной цепочке, в который раз глянул на свет. Никакой ошибки, внутри вихрилась слабо опалесцирующая дымка. Вот везучие мерзавцы! Спа-

сибо, что вообще храм не развалили…

Архайн подошел к диптиху, но вместо молитвы непочтительно нажал Темному на нос. Крашеное полотно вдавилось, и, едва Приближенный отдернул руку, сдвоенная рамка распахнулась на манер ставен, открывая квадратное углубление, где впритык помещались шкатулка с торчащим сбоку ключом, пачка перевязанных лентой бумаг и небольшой кожаный мешочек. К нему-то йер и потянулся. Распустил стягивающий горловину шнурок, пропустил сквозь пальцы горсть каплевидных, иссиня-черных семян. Последнее задержал в щепоти и вытащил. Задумчиво подбросил на ладони, стиснул кулак и, закрыв тайник, вернулся в центр комнаты.

Опилки хороши для змей и крадущихся котов, но в своем жилище Архайн предпочитал чувствовать под ногами твердый пол. Древесные разводы на светлых, некрашеных досках придают дому уют, теплоту, особый запах… а свежая кровь на них вообще смотрится бесподобно.

Йер присел на корточки возле квадратной дыры в полу, поворошил пальцами влажную, комковатую землю, почти до верха заполнявшую каменную яму. Пора бы уже ее сменить, принести ведро лесного перегноя, куда более восприимчивого к ирне, чем огородный, даже самый лучший чернозем. Но на один раз хватит и этой.

Архайн машинально, почти не отвлекаясь от совсем иных дум, воззвал к Светлому Иггру, прося его благословить сию

ниву. Потом к Темному, ибо урожай, который он собирался пожать, находится в его ведении. Пропустил кристалл через кулак с семенем и быстро, словно оно превратилось в живую муху, воткнул его в почву.

Не успел йер отряхнуть ладони, как земляные крошки зашевелились, раздвигаясь перед бирюзовым жальцем ростка. Мотыльковыми крылышками распахнулись два изначальных, еще круглых листочка, выпустив на волю два вертлявых усика и основной стебель. Бесплодно пощупав воздух, он начал быстро расползаться по земле, спиралью завиваясь вокруг основания. Гибкие хлыстики побегов безостановочно трепетали, извивались и раздваивались, цеплялись друг за друга в тщетной попытке хоть немного приподняться к небу, а чуть пониже, на быстро одревесневающих стеблях, разворачивались темно-синие листья, напоминающие клеверные трилистники – только с шипами в пазухах.

Через несколько минут (Архайн давно утратил интерес к происходящему, наполнил бокал подвыдохшимся вином из забытой на столе бутылки и уселся в кресло) посреди комнаты лежала на полу сплетенная из ветвей кукла размером с человека. Лоза больше не росла, одревеснев до самых кончиков, но продолжала изменяться: листья заворачивались внутрь, колючки втягивались, ветки все теснее прижимались друг к другу, в конце концов слившись. Кора разглаживалась и светлела, по ней пробегали волны, все четче обозначавшие рельеф мышц и костей.

Судорога.

Кашель.

Обреченный стон.

– Ты не выполнил мой приказ, раб, – скучным голосом констатировал йер, отставляя бокал.

– Простите, господин! – Седовласый мужчина ткнулся лбом в пол. – Я запомнил их и найду где угодно, только прикажите!

– Это само собой. Но… – Архайн оперся на подлокотники и поднялся. Висящий на шее кристалл был прозрачен, как слеза, – в следующий раз. Когда рассчитаешься со мной за этот.

Глава 6

…было у одного хозяина стадо овец. Днем он вверял их пастухам, а на ночь запирал в овчарне. Толсты были ее стены, крепка крыша, и никакой хищник не мог туда проникнуть.

Но однажды вечером прибилась к отаре шелудивая собака, а нерадивые пастухи поленились ее прогонять и заперли вместе с овцами.

Поутру открыл хозяин дверь и увидел, что все его овцы покусаны и взбесились, а шелудивая собака хозяйкой возлежит у порога и на него скалится.

Убил хозяин собаку, но и овцы такие стали ему не нужны. Изгнаны они были из овчарни и вскоре пожраны хищниками…

…Так и я, Иггр Двуединый, заповедаю слугам Своим: Мое дело – крепить и расширять Царствие, а ваше – не пускать в него Тварь бешеную…

Притча о Твари

– Ну наконец-то! – мрачно приветствовал Джая глава обережи.

Парень почтительно преклонил колено, но Хорв только досадливо махнул на него стопкой зажатых в руке бумаг.

– Ты бы еще сплясал, подхалим! Где тебя дикие кабаны носили?! Я уж и гонца к тебе домой два раза посылал, и ночную смену озадачил…

– Горца искал, – буркнул Джай, не уточняя, нашел ли.

– Знаю я, как ты его искал! По едальням да девкам, от гульбы по свежему воздуху таких красных глаз не бывает!

– Так там горцы чаще всего и встречаются, – резонно заметил парень. Хорв как в Иггрово зеркало глядел: голова у Джая трещала так, что лучше бы его запоздало настиг гнев Темного, а не похмелье от дешевого ягодного вина, крепленного не иначе как собачьей мочой. Остаток ночи он просидел в какой-то едальне, безоглядно надираясь этим пойлом, пока его оттуда не то выкинули, не то он сам каким-то чудом вышел, на рассвете обнаружив себя под забором, с зажатым в кулаке кружевным лоскутом. Обращаться в храм за отрезвляющей ирной парень не посмел, хотя обережников йеры обслуживали за полцены (за год теряя на этом немалые деньги, но трезвая обережь городу была важнее), и попытался заменить ее холодной водой внутрь и снаружи. По пути к участку волосы успели высохнуть, но раскаленные иглы в висках никуда не делись, да и поклонился Джай, скорее, чтобы унять бунт в желудке.

В другое время шуточки с главой вышли бы обережнику боком, но по сравнению с нынешними проблемами дело о пропавшем охотнике казалось такой ерундой, что Хорв даже соизволил усмехнуться:

– Ладно, Иггр с вами обоими. Видал, что творится?

Обережник потупился и неопределенно мыкнул. Народ действительно вел себя как-то странно: уборщики с вечера на улицы как будто вообще не выходили, повсюду валялись

кучи разбросанного ногами и повозками мусора, храм был открыт; и к нему тянулась длинная, завитком вокруг площади, очередь. Половина лавок была заперта, а в остальных не столько торговались, сколько взахлеб обменивались новостями. Джай подошел и попытался прислушаться, но люди сразу замолчали и враждебно уставились на обережника. Пришлось, смущенно кашлянув, отступить.

– Так вот слушай, – ворчливо начал Хорв, на самом деле довольный, что после такого грандиозного переполоха все-таки нашелся кто-то несведущий, и можно поглядеть на его вытягивающееся по мере рассказа лицо. – Посреди ночи – это ты хоть не проморгал?! – на востоке стеной встало зарево, будто там костер из цельных деревьев разложили, а потом ни с того ни с сего началась такая буря, что в селищах аж соломенные крыши разметало, да и в Орите кой-кому придется черепицу перекладывать.

– Нет, – обреченно поддакнул парень, – зарево я видел. И бурю.

– Ну вот, а на утренней проповеди в битком набитом храме йеры оповестили прихожан, что на земле опять родилась Тварь, порождение убитого Иггром Тваребога.

У Джая чуток отлегло от сердца. Выходит, это просто совпадение, с убийством дхэра переполох не связан!

– Но если Тваребог мертв уже триста лет, как от него может кто-то родиться? – резонно возразил он.

Хорв сердито фыркнул:

– Это ты у дхэров спроси. Хотя и так понятно, что ничего хорошего из мертвеца не выйдет – либо морун, либо рой мух. Храмовники всего лишь советовали людям укрепиться в вере, но кое-кто истолковал их слова самым диким образом, и на данный момент… – глава пошуршал уголками бумаг, – мы имеем уже четырнадцать дел об убийствах новорожденных детей, совершенных фанатиками, причем в трех случаях младенцев умерщвляли сами родители…

Джая передернуло от омерзения.

– …И семь последующих самоубийств, – неумолимо продолжал Хорв. – Добавь к этому полторы сотни краж и вооруженных грабежей…

– Сколько?!

– Ты не ослышался, месячная норма. Видать, воры решили, что до конца света осталось всего ничего, и остается только хорошенько поразвлечься напоследок. Точно так же рассудили насильники, жулики и шлюхи, причем половина последних устроила день открытых… кхм… дверей, а другая обивает пороги святилищ в надежде на искупление. Короче, – спохватился заболтавшийся Хорв, – берешь свой семерик – и на обход, остальное ребята по дороге расскажут. С жульем и незаконными торговцами не заморочивайтесь, главное – не допустить погромов. Самозваных проповедников вязать и благословлять на религиозную войну с клопами в застенках, в мародеров стрелять после первого предупреждения. Ясно?

Джай хмуро кивнул. Как говорится, «испуганное стадо побежит за тем бараном, который громче блеет». Проще выкурить из логова разбойничью шайку, чем стянуть с телеги или бочки вещающего какой-нибудь бред «пророка», потому что в первом случае на твоей стороне народ, а во втором – только закон, который не делает камни легче, а палки мягче.

Вообще-то яростным гонениям со стороны храмов подвергались только сектанты, поклонники Тваребога, о которых, впрочем, уже давно ничего не было слышно. Остальные могли верить во что угодно, лишь бы соблюдали законы Царствия Иггрова – все равно истинные чудеса могли творить только Взывающие К Двуединому и Глашатаи Его, то бишь старшие йеры и дхэры. А посему попытки создания иных религий увядали на корню.

Тем не менее где-то раз в год обязательно находилась кучка идиотов, считавших, что они лучше храмовников разбираются в Иггровых заветах, и спешивших поведать об этом миру. Отлавливать и вразумлять их приходилось обережникам, ибо речь шла прежде всего о нарушении городского порядка, а уж потом – о богохульстве. Но, посидев денек-другой в застенках, «еретики» обычно каялись, и их с миром выгоняли пинками под зад.

Короче, денек обещал утереть нос ночи.

– А… йеры? – уже с порога рискнул поинтересоваться парень.

– Что – йеры? – удивленно сдвинул брови Хорв. – Сказа-

ли – сами будут Тварь искать, а мы чтоб содействие оказывали, если попросят.

– Ну… а… так у них все нормально? Больше никого искать не просили? В смысле, – торопливо поправился Джай, – сектантов всяких? Может, это они нам так подгадили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.